

18+

Василий Лягоскин

Боярский сын

Часть первая: Владимирское княжество

Василий Лягоскин
Боярский сын. Часть первая:
Владимирское княжество

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70286821
ISBN 9785006222175*

Аннотация

«Ой, где был я вчера?..». Где был? На банкете, по случаю выхода на пенсию Виктора Николаевича Добродеева. А сегодня наследник боярского рода Николай очнулся на больничной кровати, с памятью и навыками людей неизвестного и непонятного ему мира. Еще и Одаренным стал по случаю. Дела...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	47
Глава 4	65
Глава 5	88
Глава 6	101
Глава 7	117
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Боярский сын
Часть первая:
Владимирское княжество
Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2024

ISBN 978-5-0062-2217-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0062-2218-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– «Ой, где был я вчера? – не найти днем с огнем...». Кажется так описывал нынешнее мое состояние Высоцкий в своей песне? Ну, не любитель я его творчества, не любитель. А сейчас почему-то вспомнилось. Хотя что значит: «Где?». Это я точно помню. В начале. На банкете я был, по случаю проводов меня, любимого, на заслуженную пенсию. Ну и, естественно, увольнения с последнего места службы. М-да... последнего и, по сути, первого. Вот как пришел молодым специалистом после физмата Владимирского педагогического, который теперь университет, так и работал на ниве, так сказать, статистики. Самой точной из наук, кстати. Это я в шутку, со слов «коллеги» из фильма «Служебный роман». Сорок два года, кстати, проработал; без перерыва. Не совсем на одном месте, если быть точным. Рос помаленьку – в основном вместе с отделом, который потом стал управлением, а затем департаментом. Вот в последнем до заместителя начальника отдела и дослужился. Да – да, именно служил. В армии, ни Советской, ни Российской не сподобился. Плоскостопие, самое настоящее, без взяток. А здесь – служба, да не абы какая, а государственная. А потому и пенсия, вместе с надбавкой, повышенная. Так что для одного, с учетом старенькой, но собственной двухкомнатной квартиры в Добром, и абсолютного нежелания (ну, и возможности,

конечно) сесть за руль автомобиля, вполне должно хватать.

Ну, а работа... честно скажу – с самого начала не горел. Ни с кем близко не сошелся – ни на службе, ни в соседях. Женщины... как не быть, были. Но сейчас вспоминать не буду. Больно. И от воспоминаний, и голова... Это сколько же я вчера выпил? И вчера ли? И кто меня домой доставил? Домой?

Виктор Николаевич Добродеев открыл глаза. С опаской, ожидая рези в них, от яркого света. Увы, или во благо, но света вокруг было совсем немного. Только-только достаточно, чтобы определить, что находится он сейчас на кровати, причем не своей – судя по жесткости последней.

– Тут что – доски вместо матраса фабрики «Аскона», который я по скидке, за двадцать тысяч купил? – задал он себе вопрос, – и что это за потолок такой странный?

Действительно – вместо его стандартного, из железобетонных плит, оштукатуренного и покрашенного не самой дешевой краской белого цвета, был тоже беленый, но набранный из строганных досок.

– Побелка, кстати, уже лупиться начала, – автоматически отметил Виктор Николаевич, – и доски тоже... не идеальной геометрии. Так, кажется, говорят специалисты. Да, и лампы никакой нет. Ни люстры, ни обычной «лампы Ильича» на проводе. Странно...

Странность была не последней. Это он определил; неторопливо – чтобы опять не колыхнулась боль в черепуш-

ке – сев на кровати. Простыня, или что-то вроде тонкого, грубого на ощупь покрывала, сползла при этом, обнажив торс. Но на него Виктор Николаевич внимания не обратил. Поначалу. Оценил прежде всего обстановку в помещении, где оказался благодаря неизвестным доброжелателям. Это он так определил для себя лицо, или лиц, доставивших его на эту кровать с тонким матрасом и совсем уж тонюсеньким покрывалом.

– Да, чистенько и бедненько, – вынес он вердикт, разглядев в полутьме, что в комнате размером примерно три на три метра ничего кроме кровати и деревянного стула рядом нет.

Ну, и дверь, конечно.

– На тюрьму не похоже, – решил он, также неторопливо размышляя, – и на больницу тоже. Гостиница? Отель какой-нибудь в стиле ретро? Так и там хоть какую тряпку на окно повесили бы. А здесь...

Здесь была деревянная рама, забранная частым деревянным же переплетом, и крохотными стеклами, и луна со звездами за ними. Наверное – потому что тел этих небесных Добродеев со своей кровати не видел, но испускаемым ими светом пользовался. Оставался еще один неисследованный предмет. Он сам.

– Хотя чего я там не видел, – чуть скривился Виктор Николаевич, – могу с закрытыми глазами описать. Рост – метр шестьдесят два. Вес излишний – почти восемьдесят шесть кэгэ. Волос на голове чуть больше, чем подмышка-

ми. Лицо... Самое обычное... Было. Шестьдесят два прожитых года красоты не добавляют, особенно если ее изначально не слишком много было. Кожа дряблая, морщинистая, которую так трудно было по утрам выбривать дочиста.

Настолько, что Виктор Николаевич уже разрешил с выходом на пенсию дать себе поблажку – бриться не каждый день, а пару раз в неделю. Или даже один раз. А уж вставная челюсть, которая вчера так мешала наслаждаться блюдами, на которые ушли практически все деньги – и премия напоследок, и за неиспользованный отпуск, и зарплата последняя... И совсем не мешала, простите за тавтологию, мешать водочку с шампанским... С которого, собственно, все и началось. Потом коньячок, ну и пивка кто-то уговорил хлебнуть. Настолько не мешала, что...

Виктор Николаевич сейчас совсем не удивлялся, рассматривая чужой торс на том месте, где должен был располагаться его собственный живот. Тут была полная противоположность тому, что так мрачно описывал он только что в своих мыслях. Тело, открытое его взгляду, даже в полутьме, выглядело мощным, развитым, и... молодым, что ли? Это он по состоянию кожи определил – гладкой, загорелой, с едва наметившимися волосинками на груди. Темного цвета, кстати. Единственное, что могло его объединять с родным, добродеевским, это чуть заметная полнота.

Виктор Николаевич резко, рывком сорвал покрывало с нижней части тела. Чужого, с одной стороны, и его соб-

ственного – исходя из того, что он его ощущал, двигал им. Таких ног – накаченных, мускулистых – и того, что свисало сейчас между ними, у Добродеева никогда не было. В общем, это тело ему не принадлежало. Казалось, пора было поддаться панике. Рвануть, к примеру, к той же двери, и застучать в нее, вызывая врача или медсестру...

– Санитаров, – хохотнул он вдруг негромко, – в дурке с пациентами по большей части санитары занимаются. Здоровенные такие лбы с резиновыми палками. Но в таком теле я, наверное, с ними потягался бы.

Это была совсем несвойственная ему мысль. Как и спокойствие, которым бывший госслужащий Виктор Николаевич Добродеев никогда не отличался. Вместо того, чтобы действительно рвануть к двери, он, вдохнув полную грудь воздуха, опустился на спину, так и не прикрывшись, и потянулся... не до конца. Хрясь – и чуть ошеломленный Добродеев ощутил себя лежащим уже под углом к поверхности пола.

– Градусов так двадцать пять, – опять совершенно спокойно определил он, поворачивая голову к двери.

За ней вполне объяснимо послышался негромкий шелест подошв. Объяснимо, потому что в практически абсолютной ночной тишине треск лопнувшего дерева и грохот упавшего на пол края кровати прозвучали едва ли не как выстрел.

– Вот это я дал! – даже чуть обрадовался почему-то Виктор Николаевич, – это сколько же во мне теперь роста? Или

кровать такую крохотную подобрали. Из детского отделения. Если я сейчас в каком-то собственном бреде, то получается, что наружу вылезли самые потаенные желания. К примеру, стать большим, сильным, молодым. А вот такое желание определено не мое!

Более впечатлительный человек, которым, несомненно, еще недавно был Виктор Николаевич, сейчас бы рванул подальше – в угол, или даже в окно; прямо так, голышом. Потому что в комнату неспешно вступило чудовище. Самое настоящее. Но в голове Добродеева вдруг всплыло воспоминание – не его, чужое. Как будто он сам вот такими шуточками – страшилками в виде фонарика к лицу, да в темноте, да в комнату к девчонкам...

Тут фонарика не было. А была свеча, которая первой «вплыла» в комнату, а за ней лицо – женское, старушечье. Которое в силу особенностей освещения выглядело сейчас персонажем из фильма ужасов. Сам Виктор Николаевич такое кино не жаловал, но в памяти вдруг всплыло сразу несколько картинок. Как будто собственно пережитых, или просмотренных, кстати.

А свеча, между тем, описала полукруг, так что женское лицо оказалось в полутьме, а общая освещенность в комнате чуть повысилась. Голос же, прозвучавший следом, был вполне приятным, даже мелодичных. И слова были вполне понятными, хотя какими-то... архаичными, что ли? Хотя Добродеев их понял. Как понял и то, что может свободно общать-

ся с незнакомкой, выглядевшей стандартной медсестрой девятнадцатого, да и половины двадцатого века тоже.

– А батюшки, барич! Вы бы прикрылись, что ли? Мне-то вроде как по возрасту, и должности стесняться не приходится, но все же. Ага – доломали все же кровать-то?! А я говорила Никите Сергеичу!

Как-то у Добродеева ловко получалось интерпретировать слова сестрички в современном для него звучании. А вот говорить? Он хрипло откашлялся, и попросил, заставив себя добавить в голос немного жалостливости:

– Мне бы водички, э.э.э...

– Неужто, запомятовал, барич? – женщина взмахнула руками так, что Добродеев не на шутку испугался – как бы от взметнувшегося пламени свечи не загорелась ее прическа.

Но нет – теперь было видно, что все волосы были аккуратно прикрыты косынкой с темно-красным сейчас крестом. И волосы эти, как почему-то помнил Виктор Николаевич, были абсолютно седыми. Тут в голове что-то щелкнуло.

– Ну, точно счеты, – вспомнил он свой первый рабочий день, и первый рабочий стол в далеком восемьдесят третьем году, – лет пять они у меня на столе место занимали. Вот так же иногда от нечего делать щелкал. Но тогда без толку, а сейчас почему-то проклюнулось:

– Анна... Николаевна?

– Да уж скажете, барич, Николай Ильич! Когда это я Николаевной была? Зовите, как и все – Анной. Ну, или тетуш-

кой, как в прошлый раз... Ну, я сбегая, принесу попить чего ни-то.

В комнате опять воцарился полумрак, а в голове щелкнуло еще раз. Теперь Виктор Николаевич почему-то был уверен, что эти стены, кровать со стулом и окошко он видел уже... года два назад. Тогда на этой кровати Добродеев, а точнее Николай Ильич, он же Коля, или Николаша, лежал со сломанной ногой.

– А когда разрешили наступать, так я в окно... тут как раз первый этаж. И единственный.

Зачем и куда бегал когда-то недолеченный парень, Добродеев «вспомнить» не успел. Вернулась тетушка Анна. С кружкой в руке. А точнее, каким-то ковшиком. Как понял Виктор Николаевич еще до того, как взял его в руки, деревянным. Теплым, в отличие от напитка, который изумительным прохладным нектаром полился в горло.

– Таким лечить можно, – решил он, опустошив единым махом емкость на литр, не меньше, – чего тут только не намешали!

Разбираться в разнотравье, или «разноягодье» сейчас он не стал. Кивнул благодарно, возвращая ковш, и заговорил – опять с теми же вопросительными и чуть жалобными интонациями:

– Не поверите, тетушка Анна, – ну вот совсем не помню, как я сюда попал...

– А где ж вам помнить-то, – с готовностью восприняла

вопрос в его голосе медсестра, – когда вы головой-то своей, да с двух саженей вниз. Ой!

Она посмотрела на Николая, или Виктора Николаевича в его теле с испугом, прикрыв рот ковшиком, а потом продолжила, добавив в голос хорошую такую долю сострадания.

– Неужто не помните, барич?

– Нет! – мотнул головой парень.

Ну, внешне он выглядел – даже без взгляда на зеркало – накаченным, и одновременно упитанным подростком. Так теперь он и решил себя позиционировать. Это Добродеев так решил. Николаша, скорее всего, и слова такого не знал. А тетушка все же решилась.

– Так на похоронах батюшки вашего, Ильи Николаевича, сомлели вы, барич. Прямо вместе с комом земли в руке и упали вниз. Да головой прямо на гроб. Пока достали, да сюда доставили. Мужички-то жаловались, что еле подняли такого... Ой! – она опять закрыла рот ковшиком, – а ведь и шестнадцати годков нету вам, Николай Ильич.

И еще раз в голове щелкнуло. Теперь Добродееву был понятен алгоритм – так он визуализировал для себя открывшийся «файл» – кусочек чужих воспоминаний. Теперь они выглядели так. Мрачный; весенний, или осенний день с остатками грязного снега под ногами. Толпа наряженных во вполне привычные почему-то костюмы тех же самых девятнадцатого, или начала двадцатого веков людей. Кресты за их спинами, и кирпичного цвета груды земли под ногами.

Вот он склоняется к ней, зачерпывает ладонью горсть, и отключается. Чтобы прийти в сознание уже тут, в Боголюбовской уездной больнице. Последнее тоже вспомнилось только что.

Точнее, в сознание пришел уже Виктор Николаевич Добродеев.

– Николаша, ау! – зачем-то проорал внутрь себя; внутрь чужого тела Виктор Николаевич, – отзовись.

Никто не отозвался. И файл последний ограничился как раз кладбищенской картинкой.

– А нет! – даже обрадовался Коля новому кусочку воспоминаний.

То же кладбище, и четверо мальчишек в ночи, крадущихся, и шепотом пугающих друг друга. Он даже вспомнил имена этих пацанов, но сейчас не стал акцентировать на них внимания. Потому что в свете выглянувшей из-за низких туч луны картинка впереди, за пределами кладбища была куда как удивительной. Почти такой же невероятной, как и то, что Добродеев видел сейчас чужими глазами.

Кладбище, судя по крестам и надписям на могильных камнях, было привычным; что называется, исконно русским. Даже даты не царапали взгляд – на могильном камне, рядом с которым Колю настигло воспоминание были даты: «Одна тысяча шестьдесят восьмой – две тысячи пятнадцатый». На имени и фамилии заострять внимание Виктор Николаевич не стал. В чужом воспоминании он вытаращился на са-

мый настоящий средневековой замок. И при этом было абсолютное понимание того, что замок этот – его дом. В смысле, Коли, Николая Ильича; пока бесфамильного. Как-то файл этот не открывался без подсказки.

Пока он размышлял на тему собственных, Виктора Николаевича, воспоминаний, в которых никаких замков рядом с Боголюбовым, а значит, и с Владимиром в начале двадцать первого века не было, тетушка Анна из комнаты благополучно испарилась. Вместе со свечой и пустым ковшиком. А Виктор Николаевич, он же Коля неполных шестнадцати лет, остался в своих недоумениях. Если можно так сказать. Вообще-то, подумалось куда как пошлее и категоричней.

– И точнее, – определил Добродеев термин, который пришел сейчас в голову.

И который, подумалось, не мог вот так, спонтанно, выговорить – пусть даже про себя – ни сам он, шестидесятидвухлетний пенсионер, ни шестнадцатилетний подросток.

– Барич, что б меня через колено, – выразился еще раз не в свойственной ему манере Добродеев, – а точнее, целый боярич!

Аукать внутрь себя он не стал. По уважительной причине, кстати. Литр выпитого морса, или похожего вкусом напитка вдруг резко попросился наружу. Искать под кроватью медицинскую утку Виктор Николаевич не стал. Не потому, что последняя могла пострадать от кроватной катастрофы. Просто разархивировался еще один файл из прошло-

го Николаши. Никакой утки под кроватью отродясь не было. И по нужде – и большой и малой – паренек хромал вполне успешно на двор, в «туалет типа сортир». Причем, что удивительно, сломанную ногу при этом хранил не гипс, и не дощечка, примотанная тряпками, а самый настоящий аппарат системы Илизарова. Ну, или его аналог.

– Целителя Тучкова, – выползла еще одна мысль.

Как и лицо доктора, объяснявшего когда-то бояричу подробности новой, но вполне оправдавшей себя системы лечения.

– Ага, – вспомнил тут же Добродеев, он же боярич Коля, – вот и Никита Сергеич нарисовался. Совсем не такой, каким я его себе представлял. Не лысый и не круглолицый. И не с ботинком в одной руке и кукурузным початком в другой. Вполне себе интеллигентного вида доктор. Клистирная трубка, так сказать. Ну, или как там эта трубочка называется?

Ответ тут же прозвучал:

– Фонендоскоп, – вдруг выплыло из глубин подсознания, быть может даже не его, – а точнее стетоскоп. Изобретен в одна тысяча восемьсот шестнадцатом году французским доктором Рене Лаеннеком.

– Ни хрена себе, – только и прошептал Добродеев, – что я, оказывается, знаю. Или не я?

Показалось, или нет, но во время проговоренной недавно вполголоса фразы параллельно были слышны такты ме-

лодии из популярной когда-то телеигры? Той самой, про «Что? Где? Когда?». Добродеев и сам как-то послал письмо с вопросом на адрес игры. Но своего вопроса на экране так и не дождался. А долго ждал.

Тут позывы молодого организма стали вовсе нестерпимыми, и юный богатырь, обернув полотнище вокруг бедер, помчался на улицу. Как оказалось, по вполне проверенному, и не раз хоженному когда-то маршруту. И окно отворилось привычным движением руки, и спрыгнул он наружу, практически не коснувшись подоконника, и березка, к которой он пристроилась оказалась вполне узнаваемой.

– Может, и подросла за два года-то, – думал Коля, облегченно улыбаясь, – с такой подкормкой. Ну, так и я на месте не стоял.

Как именно изменился боярич Николай Ильич, ни сам он, ни Виктор Николаевич, вспомнить не успели. Не дождались они привычного уже щелчка. Зато дождались других звуков, которые превратили старика в теле юного аборигена в хищника. Опасного и умелого. Почему так решил Добродеев? А сам не понял. Решил и все. А потом повернулся, готовый дать отпор тому, кто крался ему со спины, из-за угла не такого большого здания. Было до этого угла метров шесть, не больше. И половину этих метров незнакомец, державший в руках топор, уже преодолел.

Лицо этого мужика, или парня, было в тени, но фигурой незнакомец обладал внушительной. Как бы не крупнее, чем

у Николаши. Но это с учетом того обстоятельства, что парень стоял босиком и практически голышом, а злодей, начавший уже поднимать топор над головой, был «упакован» по что-то объемное, схожее с солдатским бушлатом. Виктор Николаевич еще успел «припомнить», как носил такой вот бушлат, да не одну носку, и лишь потом спросил. Вроде с ленцой, и даже некоторым испугом в голосе:

– И чего тебе надо? Кому не спится в ночь глухую?

Ответ ожидаемо прозвучал не так, как прозвучал бы в солдатской казарме (в которой Добродеев ни разу не был!). Но примерно так, как ожидал хищник в теле парня. То есть злодей не стал сразу опускать топор на голову барича, а попытался оправдать, ну, или обосновать свое злодеяние.

– А это тебе, боярич, за Дарью.

– Какую Дарью? – вполне искренне изумился Виктор Николаевич.

Коля же внутренне завис. Но совсем не так отреагировал тот, кто когда-то, быть может провел часть своей жизни в казарме, и имел сомнительное удовольствие носить бушлат. Он шагнул навстречу остановившемуся почти вплотную незнакомцу, и опускающемуся вниз топору. Какой именно прием применило сейчас тело юного барича, а точнее, целого боярича, Виктор Николаевич так и не распознал. Не успел. Осознал себя и свое новое тело уже сидящим на том самом ватнике. Ну, и на парне, конечно. Который теперь глухо ворчал, не в силах произнести что-то членораздельное. А все

потому, что рука его была жестко зафиксирована за спиной, а лицо не менее жестко упиралось в подтаявшую, еще (или уже) не обремененную травой землю.

Вот теперь Коля, а вместе с ним и Виктор Николаевич вспомнил последнюю свою отраду. Дашеньку из того самого села Ославское, в котором родился и вырос боярич. И где стоял его дом; тот самый замок. Небольшого росточка, крепенько сбитая, что называется – фигуристая. Лицо... чуть курносое с россыпью веснушек. Да уже стало и забываться. Ничего серьезного, на взгляд барича. Ну, и того, кто сейчас прижимал к холодной земле любителя помахать топором. Пару раз повалялись на сеновале; как говорится, без претензий. В том числе и со стороны самой Дашеньки. А вот со стороны парня, сейчас притихшего, и явно собиравшегося с силами, претензии очевидно были. Острые такие претензии; сейчас посверкивавшие в лунном свете метрах в пяти от замершей на земле композиции.

Добродееву, а больше тому, кто провел такой замечательный, а главное, своевременный захват с броском, как-то стало неуютно.

– Не дай бог, застанет кто, – подумал (подумали) Виктор Николаевич, – я тут практически голый, да в такой позе.

Поэтому, наверное, на фразу незнакомца – жениха или, там, брата Дашеньки – тело отреагировало само.

– Все равно порешу! – глухо выкрикнул злодей.

А рука боярича Николая Ильича – та самая, которая об-

хватывала мощное запястье лежащего под ним парня – сжалась чуть сильнее и... сделала что-то такое, отчего злодей затрясся и обмяк. А свежий ночной воздух заполнился сначала запахом озона (как после грозы), а потом тем самым удобрением, что пошло на пользу березке. Но теперь аромат этот исходил из-под недвижной фигуры парня. Виктор Николаевич же неведомым для него образом понял, что вот сейчас парень этот еще жив; быть может, жив, но через пару минут...

– Точнее минут пять, – сообщил он себе, поворачивая почти без всяких эмоций тяжеленное и недвижимое тело на спину, – говорят, столько мозг может протянуть без подпитки кислородом.

«Пять минут, пять минут,,,», – пропел он чуть слышно голосом незабвенной для его поколения Людмилы Гурченко. Точнее, попытался изобразить; в то время, как пальцы Николаши пытались нащупать пульс на шее здоровяка. На лицо, сейчас освещенное луной он не смотрел. Покачал головой – пульса не было. И с непонятной уверенностью, чуть подпорченной грустинкой понял, что сейчас придется применять комплекс реанимационных мероприятий. Ну, там – непрямой массаж сердца, дыхание изо рта в рот. Почему с грустинкой? Да потому что опять представил себе, что кто-то появится здесь именно в тот момент, когда голый боярич «целует» бродягу без топора. Прямо в рот.

– И ничего не поделаешь, – пробормотал он, – не в первый

раз. Сдюжим.

Вообще-то для Виктора Николаевича этот раз был первый. И, как он надеялся, последний. Ну, вот не собирался он идти по медицинской части. И в МЧС не собирался записываться.

– А сейчас, – вспомнилось вдруг, – лучше было бы воспользоваться дефибриллятором. Или как там его?

Распаковывать файл с точным названием прибора, годом и автором изобретателя он не стал. Понял, что все это уже закрепилось в памяти, хотя – как говорил тот, кто провел прием против противника, вооруженного топором, – это на хрен ему не вписалось. Ага. Вот-вот – не вписалось. Но когда руки Николаши одним движением отодрали и какие-то завязки на бушлате без пяти минут мертвеца, и пуговицы на рубаше под ним, кто-то из троих, а может и четверых, приложил общую ладонь к груди парня, с левой стороны. И постарался вызвать то самое ощущение, с которым Николаша заставил запястье злодея чуть ли не обуглиться. Это Виктор Николаевич отметил раньше, но акцентировать внимание на черной руке пока не стал. Не до того было. И знаете, получилось. Что-то. А точнее, недвижимое тело вдруг подпрыгнуло – словно кто-то саданул его кулаками снизу, из-под земли. А потом парень захрипел, и закашлялся так, что Добродеев невольно отшатнулся. Очень уж полноводным был поток воздуха вперемежку со слюнями и соплями изо рта возвращенного к жизни. А еще, отдернув при этом руку от обнаженной гру-

ди, боярич увидел, что на широкой и бледной груди спасенного им человека краснеет четкий отпечаток ладони. Его ладони.

– Ну, надеюсь, отпечатки пальцев снять не получится, – подумал с непоняткой смешинкой Виктор Николаевич.

С чужой подачи подумал, конечно. Сам бы он... Да сам бы он чуть раньше в двери вышел, и настоящий туалет искал бы.

– И с парнем этим... нет, – признался он себе, – с ним все равно пришлось бы вот так, силовыми методами. Хорошо, что все хорошо закончилось. Или еще не закончилось? Ты как, парень?

Спросил он вполне доброжелательно, но тот такой тон определенно не воспринял. Прямо лежа на спине, работая ногами и лопатками, пополз от боярича, теперь уже подвывая что-то неопределенное. Виктор Николаевич все же распознал что-то вроде «Одаренный»; ну, еще «Не буду» вместе с постоянным «Свят-свят-свят».

– Вот, и хорошо, что не будешь, – улыбнулся еще шире боярич, – дорогу-то домой найдешь? И топор не забудь.

Парень часто закивал и, перевернувшись, рванул с низкого старта. Топор, кстати, так и не подобрал. Ну, и Добродеев ушел. Точнее, запрыгнул в свое окошко; единственное открытое на этой стороне здания.

Внутри ничего не поменялось. Все также стояла уголкем памятником росту боярича Николаши кровать; молчал в углу стул, «не сказавший» еще в этой реальности своего слова.

Парень же, пожав широкими плечами, наклонился, поднял кровать за целый край. Никакого крепления там не обнаружил, а потому, вернув спинку на пол, нанес удар. Кулаком, в точку сопряжения, о которой пару секунд даже не подозревал. И не ошибся. Спинка отвалилась, и не загрохотала лишь потому, что этим краем кровать опиралась в стену. А вот боль в разбитых костяшках кулака была сильной и... неожиданной. Подспудно Добродеев ожидал, что никаких травм, даже микроскопических, не будет. А тут едва ли не перелом получил.

– Да-а-а, – протянул он, тряся перед глазами расправленными пальцами, – с этим еще работать и работать.

Вытащив из под кровати вторую, а точнее, первую оторванную спинку, он улегся, укрылся по грудь покрывалом и застыл, в надежде хоть как-то разобраться со всем тем безобразием, что творилось последний час, или даже меньше. Но неожиданно для себя закрыл глаза, и заснул. Крепким, здоровым сном. И никакие топоры ему не снились.

Глава 2

Разбудил боярича петух. Самый обыкновенный, как и много раз до того. Точнее, припомнилось ему, именно вот в этой комнате с минимумом удобств он когда-то и просыпался под истеричный крик пернатого будильника.

– Может быть, того самого, – подумал он лениво, потягиваясь теперь осторожно, – хотя... два года прошло. Чего уж там. Прежний, наверное, давно в суп попал.

И Виктор Николаевич спорить на это утверждение не стал. Очевидно, что мозг во сне работать не перестал. Может, на подсознательном уровне. Но проснулся Добродеев с твердой уверенностью, что там, в подсознании, как-то получилось договориться, и теперь сознанию придется ощущать себя именно бояричем Николаем Ильичем. Пока бесфамильным. Хотя на самом деле сознание было именно добродеевским. А вот знания и навыки сразу нескольких личностей, почти никак себя не проявляющих, и медленно распаковывающиеся...

– И как это могло случиться? – задал он себе вопрос, окончательно решив обращаться по новому имени даже внутри себя, – как – как?! Да просто. Это называется попал. Нет – ПОПАЛ! Как в книжках. Которые я не читал, но содержание помню. Если напрячься. Да не одного такого «бестселлера», а чуть ли не сотен. И чему там учит наука «попадан-

чество»? Самое главное – поначалу не высовываться! Судя по всему, тут, в этом мире, есть одаренные. Попросту говоря, маги. И я каким-то образом, самым краешком это явление зацепил. Хорошо это, или плохо? Судя по ужасу на лице, с каким ночной мститель отползал от меня, не очень. Может, под запретом тут магия? Церковь, инквизиция, и все такое?

Он вспомнил еще и невнятное бормотание «мстителя»: «Свят, свят...», и как специально где-то совсем рядом зазвонили колокола. Да так чисто и глубоко, что Николаша чуть ли не прослезился. Кто внутри него именно так сердечно воспринял этот малиновый звон, разбираться не стал. Если честно – просто наслаждался. Тем более, что к близкому, как бы не на соседней улице, звону, присоединились еще – и дальние, и такие же близкие. Выделялся какой-то едва слышный, басовитый, который обновленное сознание боярича отнесло уже ко Владимиру. Виктор Николаевич, захоти он опровергнуть это предположение, или утверждение, делать этого не стал бы. Не таким великим знатоком географии родного края являлся, но то, что от поселка Боголюбово до центра губернского города Владимира, до его Успенского собора рукой подать, знал. А теперь, собственно, и в километрах мог подсказать кому-нибудь.

Но подсказывать тут было некому, а разбираться с предполагаемым попаданчеством было самое время. В смысле, пока не явились посетители.

– Давай дальше, – продолжил он, – но для собственного

употребления, втихаря использовать-то можно? Вон как ночью неплохо получилось. Что называется: «Чем тебя убил, тем и воскресил». Что-то не вспоминается такой вот вид магии. Стихийные, лекарские всякие; жизнь-смерть помню, а... хотя понятно, что это что-то электрическое. О! Вспомнил. Ядро. Где-то под ребрами. Медитация, ага. Еще бы знать, как это... А впрочем, знаю. Учился у китайского мастера Ли. Кто-то учился, но я помню. Даже язык немного освоил. Как там начинать?

Боярич принял лежа более удобное положение. Расслабился так, словно был готов вот-вот расплыться по всей плоскости тощего матраса. И на удивление свободно скользнул сознанием внутрь себя. Будто у него и внутри пара глаз выросла. Которая, к тому же, могла блуждать по телу, разглядывая и докладывая мозгу о состоянии внутренних органов.

Вот тут общее сознание дало некоторый сбой. Теоретические знания о внутренних органах человеческого тела были, а вот практические... Ну легкие колыхаются, дыша; сердце дергается в спокойном ритме. Нормально дергается? Нет? Эта вон жировая прослойка на нем, это тоже нормально?

– О! Это то, что прописали!

Вот этого органа ни сам, ни с чужой помощью представить себе прежде не мог. Разве что описательно, из тех самых книг. Только описание, как оказалось, было не совсем точным. Точнее, далеко не точным. Писатели почему-то пред-

ставляли себе и всем остальным главный магический орган в виде ядра-шара; ну и каналы от него по всему телу. Здесь же...

– А есть-таки ядрышко, – чуть не вслух вскричал Коля, – размером так, с грецкий орех. А почему сразу не увидел? Так оно скрыто облаком... нет – это пелена какая-то из искорок.

Действительно, меж нижних долей легких вполне себе уютно чувствовал орган, окруженный бесчисленным сонмом микроскопических частиц. Коля, задумавшись, включил ту часть своего восприятия мира, которое сопровождалось музыкой и ржанием лошадей из «Что? Где? Когда?».

– Поздравляю, – задумчиво протянул он, разглядывая это мельтешение, – кажется мы... я первый человек, который собственными глазами увидел в натуральном виде электрон. И могу, наверное, отделить один такой... не как волну, или частицу, а как вполне себе натуральный объект. А ну, милай!

«Милай» – отдельная частичка, которую Николай каким-то образом выделил среди остальных – действительно вырвался из общего кружения танца себе подобных, и стремительно пролетел по сложной траектории, которая заканчивалась на самом кончике указательного пальца правой руки. Ну, а уж наружу он выпустил ее, открыв глаза. На том самом кончике вполне ухоженного пальца действительно зародилась искорка, которую заметить можно было, обладая исключительным зрением. Да еще зная, что она там появится.

Сочтя эксперимент удавшимся, боярич решил усложнить

его. Сделать, так сказать, более зримым. Слабый голосок противодействия, который, скорее всего, был представлен самим Виктором Николаевичем, был задушен в корне. И парень теперь выпустил уже целый сноп искр. Так что невольно испугался – не устроить бы здесь пожар.

Но азарт, как говорится, приходит во время игры. Как-то быстро пришло понимание, что это вообще такое – электричество. В натурном, так сказать, его проявлении.

– Что-то вроде «упорядоченного движения электронов», для начала. Это то, что там, у нас, по проводам течет. Тут, кстати, никаких проводов и не видать. Молнии – простые и разветвленные. Шаровые. Ага, – вспомнилось с треском в голове и тем самым неповторимым запахом озона, – электрическая сварка. Электрическую дугу, кстати, прямо сейчас могу показать.

Кто кому обещал показать? Непонятно. Но показал. Николай свел два указательных пальца, подал в каждый из них по крохотной порции искорок, а потом, увеличивая подачу, начал разводить их. И ведь получилась! Самая настоящая электрическая дуга. Хорошо, ничего металлического рядом не было. И живого тоже. Кроме самого боярича. На которого свое, родное электричество никак не влияло.

– Устал, кстати, – резюмировал Коля, откидываясь головой на подушку.

Ее он, кстати, прежде и не примечал. Скорее всего, по причине того, что на матрасе такой квадратный блин был

практически незаметен.

– Ну, давай дальше, – предложил он самому себе, – с чем еще предстоит столкнуться? Чего остерегаться? Ну, судя по титулу – боярич – принадлежу к старинному аристократическому роду. Обедневшему, скорее всего. Почему? Да вы посмотрите вокруг – это боярские палаты? Да даже одежду какую не принесли. Вымазался, наверное там, в могиле, вот и выбросили. Да нет, скорее почистили, постирали, да погладили. Почему сюда не принесли? Да чтобы не сбежал. Мало ли как может себя повести недоросль, ушибленный на всю голову. В прямом и переносном смысле, кстати. А я еще, наверное, в прежнюю здешнюю «отсидку» показал себя соответствующим образом. Вспомнить бы, чем я вообще занимался. Кто я по жизни такой – боярич Николай Ильич?

На прямой ответ подсознание ответило. Щелчком и целой очередью картинок «нелегкой» жизни боярского сына. Выпускника губернской дворянской школы (нет – еще чуть больше месяца до выпускных экзаменов), озорника, бабника и... И все. Никаких планов на будущую жизнь парень не строил. Строил, скорее всего, отец, Илья Николаевич, но вот его не стало, и...

– Мы это поправим, – пообещал сам себе боярич, – жирок растрясем, по школе подтянемся... общими усилиями. Знать бы еще, какой статус теперь у нас... у меня. После смерти батюшки-то. Он-то был у меня ого-го!

Тут и с магией определился. Была она тут, была. Вполне

официальная и почитаемая. Боярин Илья Николаевич Шубин аж шестого уровня достиг из двенадцати. По Земле работал. Вот и замок себе отгрохал – считай, в одиночку. Боевой был офицер. С прошлой войны с германцем как раз такую идею и привез, с замком. Но строительство Коля помнил смутно, как и мать свою. Померла, оставив боярина с единственным сыном трех лет. Информации было много, очень много. Главным же сейчас был вопрос, который он себе уже задавал. Что дальше? Появившиеся знания про попаданцев несколько... страшили. Там, как правило, сиротам к совершеннолетию ничего из наследства не оставалось. Если они вообще до него доживали.

Блиzkих родственников Коля почему-то не помнил. Дальних... тоже как-то смутно.

– Значит, надо узнать. Спросить. Кого? Да вот у Никиты Сергееча и поинтересуюсь осторожно. Может, кого знающего в здешних законах посоветует. А пока... пожрать бы. Сколько я уже не ел? Да еще драка эта, черт бы ее побрал. Ну и поэкспериментировал. Сколько энергии; в смысле – вольт с амперами угрохал напрасно. Сбегать что ли, попросить?

Нет, напрашиваться боярич не стал. Откинулся на кровати, и снова расслабился, утопая сознанием внутри себя. Интересно было, и завораживающе. Особенно за ядром да облаком наблюдать. А вот каналы...

– Или я их просто не вижу, или настолько они не разработанные. Кстати, вспомнил – бездарным Николай Ильич чис-

лился, лишенным всякой магии. Потому и такая неопределенность в будущем. Одаренному, вспоминается, прямая дорога в армию нонешнего состава. В смысле, во Владимирский губернский полк, где и батюшка служил. Хорошо это, или плохо? С одной стороны армия по идее – защита от всяких поползновений. Если есть, конечно, что защищать. Ну, замок точно есть. И земли какие-никакие. На месте подробней узнаю. А пока не отвлекаемся.

Николай Ильич, в своих скромных мечтах будущий великий архимаг-электрик, приступил к первой своей осознанной тренировке. Инструкций и учебных пособий, конечно, не было. Кроме теоретических, придуманных знаний из книг. Но что-то получалось. Получалось разогнать облако искр по периферии, а потом собрать его обратно. Причем в разные части тела, не выпуская наружу. Что интересно, само облако никак не растворялось, не заканчивалось. Определенно, оно подпитывалось из ядра, размер которого визуальнo никак не уменьшался.

А каналы Николай все же разглядел. Бесцветные ниточки, совершенно не совпадающие с кровеносной системой, и проявляющие себя лишь в те моменты, когда по ним осуществлялось то самое «упорядоченное движение».

На этом тренировка и закончилась. Вместе со скрипом двери, в которую добрая и вполне себе миловидная по утру волшебница тетушка Анна принесла поднос с едой. Насколько она была вкусной или, напротив, отвратной? Боярич

не понял. Не успел. Понял только, что ее было мало. Очень мало. Как говорится, даже недозаморил червячка. И теперь весь его вид не говорил, кричал во весь голос: «Тетушка, еще!». Вслух он, естественно, ничего не сказал. Но Анна Николаевна (вот откуда он мог узнать ее отчество?) вопрос поняла, и даже немного успокоила:

– Вот уж скоро дядька твой, Мишка-казак, подойти должен. Он-то каждый день с полной сумой приходит поутру, да с ней же и уходит.

Последнее прозвучало очень укоризненно. Утверждающе так: «Мог бы и оставлять, для других болящих. Не обеднели бы, бояре-то». В чем боярич был с ней согласен, так это в том, что суму, и то что в ней было, дядька мог оставлять. Не для других, конечно. Какое дело Николаю Ильичу до них? Но вот сам сейчас с удовольствием и вчерашнего поел бы. Особенно приготовленного бабой Нюрой, главной по кухне в замке.

– Ага, – довольно кивнул боярич, – значит, не совсем обнищали. Своя кухарка есть, да не одна. Дядька еще. Казак.

Тут почему-то зачесалось пониже спины. Вспомнилось не самое приятное, связанное с этим самым дядькой. Начиная с того дня, как батюшка показал на него пальцем в своем кабинете. Показав на сына, и велел казаку, который как бы уже таковым не был, не щадить боярское чадо в обучении. Чему? А всему, чему опытный пластун Михаил Деметьев, приставленный особым приказом к ценному спе-

циалисту, его сиятельству майору Илье Николаевичу Шубину, сам знал и умел. Получилось чего? Сам Коля сейчас признавал – не особо. И потому опасался – дядька Михаил был первым, кто мог распознать изменения в парне. И не только связанные с магией.

– Ну, пороть себя теперь точно не дам, – чуть воспрял духом Николай, – да и не за что будет... надеюсь. Так что жду. Даже с нетерпением.

И дядька его надежды оправдал. Явился очень скоро, еще до утреннего осмотра. Если он тут, конечно, был. Коля успел напрячь память, и внутренне кивнул – да, тот самый Никита Сергеич болящих каждое утро обходил. По крайней мере к нему, боярскому сыну, обязательно заглядывал. Теперь же заглянул, и какой-то скользкой походкой внутрь проник тот, кого и ждал юный наследник рода Шубиных.

Проник, и остановился в шаге от прохода, нахмутив брови. Скорее всего от вида того, во что превратилась к утру кровать. Николаю его вид был знаком до мельчайшей морщинки на лице, Но теперь сознание в теле было совсем иным, и потому он с интересом разглядывал дядьку. Словно в первый раз его увидел. Ну, что сказать? Классическим казаком – с чубом, висячими усами, необъятными шароварами и шашкой за кушаком – Михаил Васильевич Дементьев не выглядел. Был чисто выбрит, коротко острижен, что было видно под головным убором, которому боярич сейчас сходу названия не дал. В селе такие называли... да никак

не называли. Это был дядькин трофей с последней военной кампании. С той самой, два с лишком года назад, с которой отец, боярин Шубин, вернулся надломленным; медленно, но верно теряющим свой дар. Больше всего убор этот походил на тубетейку, и был, по утверждению самого Мишки-казака, изделием штучным, магическим. Впрочем, на эту тему сам дядька распространялся мало, а боярич старался держаться от него подальше. Когда это получалось, конечно.

Лицо загорелое, скуластое; шрам над левой бровью. Ну, и глаза необыкновенные – ярко-голубые при характерной внешности жгучего брюнета. Коля предполагал, что в молодости дядька был ходокom не меньшим, чем сам боярич теперь.

– А может, и большим, – невольно улыбнулся он, – если только у него такого же строгого дядьки не было.

Эта его улыбка заставила, наконец, отмереть пожилого казака. Но прежде, чем лицо его приняло привычное отеческо-строгое выражение, боярич огорошил его словами, которые и сам только что не собирался произнести. Почему вырвалось? Да потому что понял – если и есть кто в этом мире, кому мог безраздельно доверять юный Шубин, так это вот этот человек. Ну, всей подноготной сегодняшних событий Коля выдавать, конечно, не стал, но самое важное именно для Михаила выпалил:

– Дядька, кажется дар у меня проснулся.

Казак может и не поверил, но обрадовался сильно. Кажет-

ся, даже глаза его выплеснули в мир порцию энергии синего цвета.

— А может, и не кажется, — чуть помотал головой боярич, словно прогоняя видение, — мне-то не говорили об этом. Но что дядька Миша сильнее и ловчее обычного человека, это точно. Может, не только в тренировках тут дело. И в книгах было писано, что есть у казаков свое колдунство. Характерниками таких называли. Спросить, что ли?

Но первым спросил дядька:

— Как понял-то, Николай Ильич?

Спросил, и сам вроде как устыдился; ну, и юношу в смущение ввел. Потому что так вот, по отчеству, его в первый раз назвал. Прежде-то, с подачи боярина, только по имени, да бояричем. Николай смущение преодолел первым. Ну, или просто очередь его пришла, отвечать. Дядьку он встречал сидя, и вытянув ноги вперед. Теперь же, вскочив на ноги едва ли не так же ловко и стремительно, как это делал дядька, ткнул себя под ребра:

— Вот тут словно появилось что-то... теплое. Словно наружу просится.

— И?..

— Ну, я и выпустил. Гляди.

Искры, что выплеснулись фейерверком уже привычно из пальца правой руки, заставили казака шагнуть назад. И Коля не сказал бы, что они очень обрадовали дядьку. Но Николай продолжил, озвучивая то, что только что сам за-

метил:

– И еще. Ночью кулак об кровать рассадил, – он чуть смущенно улыбнулся, – а теперь вот.

Теперь почти в лицо не дрогнувшего дядьки ткнулся кулак. Хороших таких размеров. Главное, на нем действительно не было никаких последствий от вчерашнего не совсем просчитанного удара. Тут же родилась теория; не на пустом месте, кстати. Все из тех же книжек.

– Это все от моих тренировок утренних, – решил боярич, – искры, получается, не только жалить могут, но и излечивать. По крайней мере, своего... носителя. Ну, или хозяина. А что – не даром говорят, что в малых дозах любой яд – лекарство. А электричеством, кстати, вполне себе лечат. Электрофорез там, и все такое.

Лицо казака несколько разгладилось. Не от лицемерия кулака под носом, конечно. Очевидно, целительский эффект от непонятной магии воспитанника шел последнему в плюс. Но, покачав головой, дядька Михаил все же остерег парня:

– Ты бы, Николай Ильич, пока подождал с признанием-то. Осторожней надо, не дай бог...

Тут познания боярича Шубина были скудными. Знал только лишь, что есть запретные области для одаренных. Куда соваться не то что не рекомендуется, а вовсе смертельно опасно. В прямом смысле этого слова. Отец почему-то не учил. Только вздыхал, расстраиваясь, после очередной проверки в школе. Которых на памяти Коли было ров-

но восемь. Столько же, сколько длилось обучение во Владимирской дворянской школе. Как раз перед началом нового учебного года, в октябре, такие проверки и проводились. И за все восемь лет выявлено было среди однокашников четверо Одаренных. Ага – вот так, с большой буквы. Два парня и две же девицы. Одна из них, дочка графа Разумова – Светочка, а точнее, по-здешнему, Светлана Юрьевна – премиленькая, надо сказать, девица – на вкус боярича Шубина. Но тут, как говорится: «Видит око, да глаз...». Свяжешься с такой, себе дороже выйдет. Парень предпочитал отношения легкие, и достаточно кратковременные. Ну, и ни к чему не обязывающие, конечно. Таких и без графских дочек хватало. К тому же к старшим классам эта четверка обособилась от остальных и ходила, задрав нос кверху, как только возможно. Разве что к племяннику князя Владимирского, Андрюшке (конечно, Андрею Алексеевичу!) Столетову, относилась с почтением.

Подхватив вторую половину курицы, Коля погрузился в нужный сейчас пласт воспоминаний. Собственно в проверку на одаренность. Проходила она в торжественно-мрачной обстановке; отдельно для каждого школяра. Перед глазами парня поочередно промелькнули лица комиссии. Особенно задержался он на бородатом, аскетично-строгом лице священника, который буквально впился взглядом в испытуемого, когда тот приложил ладонь к последнему камню; черного цвета. Всего таких камней на столе перед бояричем то-

гда (как и всегда, впрочем) было шесть. И назначение каждого объяснил как раз батюшка, Илья Николаевич. Он сам когда-то проходил такую процедуру не единожды – до тех пор, пока на прикосновение его ладони не отреагировал камень коричневого цвета. Земля – так Одаренных и называли. А еще были камни голубого цвета – Воздух; синего – Вода; красного – Огонь; Белого – Жизнь. Ну, и черного, про который сейчас парень вспомнил с таким содроганием. Смерть.

Ходили, ходили по школе шепотки, когда в начале третьего класса вдруг исчез мелкий дворянчик с муромского уезда. Боярич и имени теперь вспомнить не смог. Но, как говорилось, ни с кем из однокашников младший Шубин близко не сошелся, и всякие страшилки прошли практически мимо него. Но осадочек остался. Вот сейчас этот осадок и взболтался в душе парня. Он как раз держал в руке глиняный кувшинчик с теплым еще отваром, который принесенному тетушкой Анной дал бы сто очков наперед. Заглянул внутрь; никакого осадка там не обнаружил, и поднял голову. Казак смотрел на него чуть ли не с умилением, но и с какой-то настороженностью.

– Старее, однако, – подумалось бояричу, – курицу-наседку тут из себя изображает. А может, рассуждает – чего теперь от меня ждать. Батюшка-то теперь между нами не стоит.

Дядька словно вернулся к реальности из глубин своих размышлений. Как-то суетливо пошарил в опустевшей почти суме, и протянул парню полотенце. Обычное, без всяких вы-

шивок. Зато чистое. Боярыч кивнул, оттер жирные пальцы, и примерился к пирожку, начинка которого была пока неведома.

– Но вкусный, чертяка, – улыбнулся Коля, – у бабы Нюры других не бывает.

Подхватить пирожок с импровизированной столешницы, добрую часть которой занимали обглоданные, и частично разжеванные куриные кости, не успел. В комнату без стука, по хозяйски вошел доктор. Никита Сергеич. Халат светло-серого цвета доходил ему до колен, и был застегнут под горло. Так что другой одежды его, кроме самого низа прямых брюк, да массивных, но на удивление бесшумных туфель Николаша не разглядел. Почему акцентировал на этом внимание? Да потому что иначе, как вот в таком, наглухо упакованном лекарском наряде он доктора и не видел. Но голос – мягкий, успокаивающий – вспомнил тут же.

– Что тут у нас, больной? – буквально проворковал Никита Сергеич, – вижу, идем на поправку. Очнулись; аппетит нагуляли. Ну-ну.

– Да я уже совсем здоровый, – Коля даже не сделал попытку вскочить на ноги; затруднительно это было, не снеся стула с остатками снеди, – выписывать уже пора. Чего я тут место занимать буду?

– Ну-ну, – повторил доктор привычно для себя, – посмотрим. Вот как докушаете, так и досмотрим.

Так же бесшумно доктор покинул палату. А парень взял

с «поляны» пирожок. Но, прежде чем откусить от него половину, и разобраться, наконец, с начинкой, спросил:

– Доктору тоже не будем ничего говорить?

– Он, конечно-о-о..., – протянул казак, – человек хороший. Но-о-о... я бы спешить не стал. Но решать все равно тебе, Николай Ильич.

– Значит, не будем, – утвердил боярич, – если только он сам об этом не спросит.

Было у парня такое подозрение. Тут он все же откусил полпирожка: «Ум-м-м!», – отключил на время мыслительные способности. Баба Нюра для любимчика своего расстаралась. Знала, что он пироги со сладкой начинкой, конечно, любит, но... Куда вкуснее были вот такие – с мясом, картошкой и луком в равных пропорциях. Да со специями; с соком, который надо уметь не пролить ни капли, а вкусить весь, с наслаждением. Коля умел. Что сейчас и продемонстрировал, краешком сознания все же отметив: «Куда там до этого пирога всяким пиццам, самсам, да шаурме?!». Боярич эти творения нерусской кухни явно никогда не пробовал; до сегодняшнего дня даже не слышал о них. Но вкус каждого... нет – не стал перебивать себе аппетит, который помог с успехом «подмести» со скатерки все, что привез дядька.

Последний такой аппетит обычно приветствовал, но и гонял потом парня усердней обычного. И вот что интересно – никакого отторжения сейчас у боярича это не вызвало. В теле энергия забурилась сама собой. Хотелось не прилечь

на раскуроченную кровать, а вскочить, и побегать; может даже на кулачках немного с кем помахаться.

Тут все же «проснулся» несостоявшийся пенсионер Виктор Николаевич Добродеев. Он, кстати, после такого завтрака точно придавил бы на ухо... минут на двести-триста. А что – имеет право, на работу идти не надо. Но здесь вам не там, и Виктор Николаевич опять согласился с насущной необходимостью называть и ощущать себя бояричем Шубиным.

Наконец, завтрак – первый за три дня – был закончен, и Николай, освободив себя из плена четырех ножек от стула, кивнул казаку, сноровисто собравшему жалкие остатки пиршества в ту же суму:

– Зови доктора, дядька Миша. Выписываться будем.

Тот лишь кивнул, определил отощавшую суму на пол, у двери, и вышел. И вернулся так быстро, словно Никита Сергеич все это время стоял там, за дверью.

– А если и стоял, – усмехнулся парень, тоже утвердившийся во весь свой немалый рост, – что он мог услышать? Как я пирогами чавкал? Или отваром прихлебывал? Да полно! К чему такие подозрения? Или есть повод?

Повод, как оказалось, был. Не совсем тот, о котором размышлял боярич, но тоже вполне весомый. Подойдя к парню, который стоял посреди комнаты точно в том виде, в каком совершил ночную вылазку из палаты, он коснулся пальцем груди пациента. Для чего ему пришлось поднять руку

как раз на уровень своих глаз. Которым – как показалось Николаю по несколько ошарашенному лицу эскулапа – сам не поверил. Потом доктор приложил к груди уже всю ладонь; ну точно, как сам Николай ночью к другой, гораздо волосатей. Но молнией не шарахнул. Напротив – от его ладони в грудь потекло что-то теплое, успокаивающее. Что-то незримое, бодрым ручейком втекающее в магический источник боярича. Последний с трудом удержался, чтобы не нырнуть опять сознанием внутрь себя, да посмотреть на то, как ядрышко с молниями реагируют на чужую магию.

– Это ведь точно магия? – задал себе вопрос Николай, и ответил, – конечно. Никита Сергеич известный целитель. Его и сам князь Владимирский, Александр Сергеевич Столетов, на службу ко двору приглашал. Не согласился.

Боярич как-то даже разговор подслушал – бабки в селе вечером сплетничали – что доктора при монастыре Боголюбовском похоронят. Несмотря на то, что тот женский. Когда помрет, конечно. А еще – святым объявят. Хотя на вид обычный дядька. И от платы два года назад, которую ему в конверте отец в ладошку сунул, не отказался.

Сейчас же Николай постарался улыбнуться как можно беззаботней, и спросил:

– Ну что, доктор? Здоров? Готов к службе?

– Школу закончите поначалу, Николай Ильич, – чуть нахмурился эскулап, – да поприличней. Родных своих... к-х-м... земляков, значит, порадуйте. А что касается здоровья,

то правы вы – здоровее я давно не видел. Что и удивительно.

– Что же тут удивительного? – вполне натурально изумился парень, – полежал, отдохнул, сил вашими усилиями да молитвами набрался. Что еще? Батюшка вот...

Он опять-таки непритворно потупился.

– Да-да, – зачастил словами доктор, – примите, Николай Ильич, соболезнования. Царствие небесное батюшке вашему. Доброй души и сердца человек был. Больнице нашей не раз помогал.

– Я это, – боярич чуть растерянно оглянулся на разрушенную кровать, – возьмешу, не сомневайтесь.

– Да бог с ней, с кроватью, – махнул рукой доктор, – не велика ценность. А вот насчет здоровья... Вот тут (он опять коснулся рукой груди) ожог был глубокий. Говорят – крест святой расплавился, когда вы там... ну, на похоронах...

Боярич прижал подбородок к груди так, чтобы охватить взглядом как можно больше пространства; ничего на коже не обнаружил и пожал плечами.

– Не ищите, Николай Ильич, – доктор сделал рукой едва приметное движение; словно махнуть хотел, но передумал, – нет никакого следа. Кожа чистая, как у младенца. Даже волосяной покров... м-м-м... не поврежден. Что и удивительно.

Доктор потупился, и Николай, словно по наитию, спросил:

– Что-то еще, Никита Сергеич? Ну, не томите, говорите. А целитель теперь резко махнул рукой. Словно говорил:

«А, была не была!».

– Событие это, Николай Ильич... ну, с крестом святым... никак мимо Церкви пройти не могло. Приходили тут, целой процессией. Сам настоятель Успенского собора соизволил.

– И что? – поторопил его боярич, внутренне холодея.

– Водой освященной покропили: молитвы целую ночь читали, – гордо, словно сам отстоял всенощную, – продолжил доктор, – сказали, что отмолили вас Николай Ильич. Между собой же говорили, что отметил вас Господь Бог. С тем и ушли.

– Как отметил?

– Так ожог-то, в виде креста и был...

– Дела..., – протянул Николай.

Дальше он, очевидно потрясенный не столько самим фактом вмешательства в его жизнь высокопоставленных иерархов Церкви, сколько будущими проблемами от такого внимания, ослабил контроль за сознанием. Которое бесконтрольно вторглось в источник, заставив облако вокруг него за бурлить искрами, и ринуться в нужном им направлении.

Доктор ахнул, и отступил на шаг, крестясь и шепча что-то едва слышимое. Боярич же кинул взгляд на дядьку, который, стоя у двери, повторял действия Никиты Сергеича практически один в один, и только потом еще раз свершил манипуляцию с головой, прижав ее к груди. И успел таки отследить последнюю фазу творения, которое со стороны никак иначе, чем божественным назвать было нельзя.

На мощной мускулистой, с тонкой прослойкой подкожного жира, груди проступал крестик. Размерами точь-в-точь как тот, с которым парень прожил почти шестнадцать лет. Крестик был намоленным, привезенным матушкой из самого Иерусалима. Вот теперь он и вернулся, таким необычным способом. Причем Николай был уверен – захоти он, и то же магическое электричество «сотрет» его безо всякого следа. Но нужно ли? Парень решил, что спешить не будет. Перед Церковью самая настоящая отмазка, а перед другими... Другим и показывать не обязательно. В бане разве что, ну так туда он абы с кем ходить не собирается.

– Ну так что? – прервал боярич затянувшееся молчание, – выписываете, Никита Сергеич?

– Выписываем, выписываем, – кивнул доктор словно витая мыслями далеко-далеко; и тут же встрепенулся, – только...

– Что только? – спросил Николай чуть нервно.

– Сходили бы вы, Николай Ильич, завтра в храм, на воскресную службу. И батюшку помяните, и вообще.

– Схожу, – склонил голову боярич, – обязательно схожу.

– Ну, тогда, с Богом.

Доктор повернулся, но выйти не успел.

– Дядька! – высказал боярич так повелительно, что даже сам удивился.

– Конечно, – закивал головой казак, «ныряя» рукой за пазуху.

Оттуда на свет появился какой-то бумажный сверток, вроде конверта. Сколько там отстегнул от щедрот боярской казны управляющий... э-э-э... Арсентий Павлович Поляков, парню было неведомо. Да он на этот счет, что говорится, «не парился». И даже не удивлялся уже таким вот словечкам, рожденным новым сознанием.

Сверток поменял хозяина, оказавшись в ладони целителя.

– За кровать пришло отдельно, – пообещал боярич, – и... спасибо вам, Никита Сергеич, за лечение. Будет нужда какая, обращайтесь, не стеснясь.

– Хорошо, – усмехнулся доктор, явно успевший вернуть себе спокойствие, – спасибо и вам на добром слове. Вас приглашать не стану. Разве что чаю попить. Храни вас Господь.

Еще раз перекрестившись, целитель вышел из палаты.

Глава 3

Стук в двери прозвучал в этой палате на памяти боярича впервые. Неизвестно, что там наговорил доктор тетушке Анне, но вошла она в комнату осторожно; как-то бочком. В руках держала одежду, чья принадлежность ни у кого не вызывала сомнения. В правой – сапоги с короткими голенищами, в левой сверток всего остального.

Дядька перехватил все из рук тетушки, и кивком отправил ее за дверь. Ну, и правильно – нечего ей на голого парня смотреть.

– Хотя, – усмехнулся Николай, – чего она там не видела? И сейчас, и два года назад. А может, и еще раньше.

Но углубляться так в закрома памяти парень на стал. Принял в свою очередь одежду и принялся одеваться, используя в качестве гардероба стул. Все движения были привычными, отработанными. Но одновременно изучал все – от подштанников, до строгого, почти черного камзола, который не был разношенным. Его боярич явно одевал во второй раз в жизни.

– В первый раз на похороны, – понял Николай, – приеду – сразу переоденусь в привычное. Перед кем форсить, в деревне-то? Хорошо, сапоги хоть и новые, но разношенные. Хотя натянул с трудом, да. Явно по ноге шились, впритирку.

– Да, Николай Ильич, – кивнул дядька, словно расслы-

шав его мысли, – опять кафтан маловат-то стал. Не успеваем шить.

Сам Шубин в его словах прочел: «И куда тебя прет-то, малой?». Расперло его, кстати, действительно куда как внушительно; для неполных шестнадцати лет. Вспомнились недавние измерения – как раз когда этот вот кафтан заказывали. Как будто заранее к похоронам готовились.

– А может и готовились, – пожал широкими плечами парень, – батюшка-то совсем плох был. Вот, значит, как магическое истощение выглядит. Но об этом попозже, да поподробнее. Самому бы не перегореть. Хе-хе, как электрической лампочке. Или как аккумулятору, у которого в один прекрасный момент может зарядка пропасть. Тут-то зарядного устройства нет. Или есть? А ростом я, кстати, вымахал аж на сто девяносто два сантиметра. И взвесился заодно – интересно же было. Почти на центр потянуло. А не гонял бы меня дядька, так вообще никакие весы не выдержали бы. Как там в анекдоте про японскую технику? «Сойдите один с весов, пожалуйста! Хе-хе!».

С этой улыбкой боярич и закончил одеваться. Притопнул правой ногой, в которой длинный и теплый носок не сразу лег как надо, и первым вышел из палаты. Очевидно, появление в заштатном лечебном учреждении внушительной церковной комиссии не прошло мимо обитателей этого скорбного заведения. В этот утренний час, наверное, в коридор высыпали все, кто мог передвигаться на своих ногах. И пер-

сонал, который отличали халаты все того же светло серого цвета, и болящие. Только доктора не было видно. Ну, так он уже попрощался. Группировались «зрители» так, что Николаю вместе с дядькой был оставлен свободный проход к дверям. Не жались, конечно, испуганно, к стенам, но глядели как-то...

– Как на зверушку заморскую, – определил парень, которому такое внимание никак не понравилось.

Потому он чуть ускорился, но перед дверью все же остановился, шагнул чуть в сторону и развернулся. Хотел выдать что-то бодрое, типа: «Пока, ребята!». Это в шутку, конечно. Про себя. Вслух же пожелал вполне пристойно, чуть заметно склонив голову:

– Выздоровливайте, православные. Храни вас Господь!

Народ начал отвечать. Все вместе, а значит, совсем неразборчиво. Но парень вслушиваться не стал. Толкнул дверь раньше дядьки, успев задать себе вопрос: «А есть ли здесь православные; было ли разделение с католиками? Или нет?». Вспомнил нужные уроки а школе; успокоенно выдохнул: «Есть!». И с таким вот бодрым позывом вышел на улицу, прямо навстречу яркому весеннему утру.

– Точно, весеннему? – подумалось вдруг.

Тут же вспомнил, что скоро экзамены; значит, весна.

– А какое сегодня число, дядька? – спросил Николай у казака, чье дыхание едва различалось за спиной.

– Так двадцать второе апреля, – ничуть не удивился тот, –

батюшку нашего, Илью Николаевича, девятнадцатого схоронили. Без вас помянули. Ну, там Арсентий расстарался.

Теперь почти также беззвучно послушался шелест одежды. Казак явно крестился. Ну, и Шубин, стоя на высоком крылечке, присоединился к нему. Так-то и без напоминания свершил бы привычный, как оказалось, обряд. А как не свершить-то, если прямо перед ним, через дорогу, да за невысокой беленой стеной возвышался устремленный золотыми куполами к небу храм.

Это был тот самый Боголюбовский монастырь; один из рукотворных памятников великому князю Андрею Боголюбскому. Нынешний Великий князь сидел в Москве, во Владимире же... Мысли Николая с горних вершин вернулись к земле – на ту самую дорогу, на обочине которой стоял экипаж с дружкой его на облучке – Куртом Шварцевым.

– Про парня с таким экзотичным именем для наших мест потом, – решил Николай, задержавшись на крыльце, – а вот с дорогой что?..

С дорогой было непонятно. Перед глазами почти зримо представала другая, тоже под монастырскими стенами. Асфальтированная, в этом месте на три полосы, на которой никогда не кончалось движение автомобилей. Здесь же тракт был представлен плотно утоптанной лентой из литого камня, по которой за то время, пока он подставлял лицо весеннему солнцу, промчался от Владимира в сторону Нижнего закрытый экипаж, да вот теперь показался какой-то обоз из телег.

Этот уже в сторону губернской столицы.

– А может, и свернет, – подумалось парню, – вон туда, куда и нам надо. Пошли, что ли? А что народу нет, понятно. Субботнее утро. Не собрался еще народ в дорогу. Да еще двадцать второе апреля (тут он чуть не расхохотался) – субботник же. Бревна носят. Только у меня замок каменный, никаких бревен нет. Надеюсь.

От спины буквально дохнуло нетерпением. Что это было? Еще одно проявление магических способностей? Или боярич сам уже готов был вприпрыжку унести подальше от больницы в дивный новый мир и тем самым принял собственное желание за дядькино? Больше тормозить он не стал. Тем более, что попасть в дорожно-транспортное происшествие тут было затруднительно.

– Если, конечно, специально не подгадать, – опять хохотнул он, – Курт, дружище! Ты чего там застрял? Али не рад видеть меня?

Парень этот – с виду типичный русак, светловолосый и чуть курносый – был одним из той тройки приданных бояричу хлопцев, с которыми он постигал нелегкую дядькину науку. Но еще охотней принимал участие в озорных проделках наследника боярского рода. Ну, это сам Николай прежде думал, что охотно. Точнее, не задумывался на эту тему. А вообще Курт был сыном пленного германца, которого со всей семьей боярин Шубин привез в качестве трофея, охолопил, да и оставил жить в имении. Не просто так привез, не нао-

бум. Но об этом позже – сейчас же Курт все же спрыгнул с козел так ловко, что казак рядом довольно кивнул: «Не прошла даром наука!».

Вел себя парень робко. Да он с бояричем всегда себя так вел. Ну, а Николай, чтобы не выходить из привычного образа, заграбастал парнишку, что был на голову ниже и чуть ли не вдвое уже в плечах так, что у того чуть кости не затрещали. Впрочем, силушку свою он соизмерять давно научился... разве что с той, которой сегодня ночью «познакомился», нужно было пока осторожничать. Получилось, очевидно, не очень, потому что Курт едва слышно охнул.

– Ну, и ладно, – тут же отпустил его боярич, не чувствуя почему-то ни капли смущения, – потом расскажешь, как там у вас, без меня.

Рвущуюся наружу энергию и веселье с трудом, но приглушить получилось. Для этого парень еще раз повернулся к храму и перекрестился. Дядька и Курт повторили. Ничего удивительного – у боярина Шубина все холопы были православными. А это важнее, нежели национальность, к которой они себя причисляли. Раньше. Теперь-то то же Курт для Николая был вполне себе русским.

– Да и ладно, – в очередной раз прервал его размышления дядька Михаил, – поехали, что ль? Это для тебя, Николай Ильич, болящего, целый экипаж пригнали. Знай, что ты уже здоров, так бежал бы до дома пехом. Вон – впереди моего Серка.

Серко, крепкого серого жеребца неизвестной для Николая породы, тоже можно было числить одним из наставников боярича со товарищи. Потому что кроссы ежедневные четверка отроков пробегала, подгоняемая казаком, который следовал за нею верхом. Причем Шубин знал, что и своими ногами дядька мог догнать и перегнать каждого из парней. Но нет – казак пешком не передвигается; только верхом.

– Ага, – вспомнилось почему-то из какого-то прошлого, – «Наши люди за хлебом только на такси ездят!».

Пролетка легко сдвинулась с места, ведомая одним конем – куда как мощнее Серко, но и гораздо, на вид, флегматичней. А Николаю, восседавшем на мягком диване лицом по ходу движения, это было как раз на руку. Поел, с больничными делами разобрался. Теперь можно было и расслабиться; опять погрузиться в думы. Тем более, что дядька на своем скакуне чуть вырвался вперед, а Курт первым слова не вымолвит.

Первым делом Николай «заглянул» внутрь себя. С магическим ядром разговаривать он не собирался; ругать за недавнее представление тоже. Тем более, что понимал – это он сам сотворил крест на груди. Но поглядеть и даже как-то «погладить» было приятно; что уж там говорить. От воздействия целительской магии никаких изменений ядро не претерпело – как бы парень не вглядывался. Вот если бы сразу посмотреть... но тогда он просто не рискнул. Теперь же, убедившись, что все внутри на месте, Николай об-

ратил внимание наружу. На привычную, в общем-то, картину сельской пасторали, которую он видел чуть ли не каждый день вот уже восемь лет.

Экипаж как раз выехал из Боголюбова, и впереди были видны только поля да редкие перелески. Снег еще местами лежал по закраинам полей – где черных, вспаханных; где заросших стерней; а где и с проклюнувшимися озимыми. Во всем этом боярич, даже с обновленным сознанием, разбирался слабо. Разглядывал же, не отрываясь, потому, что вспаханная нива извлекла из памяти еще один пласт воспоминаний.

– Вот, – говорил отец сынишке, которому тогда исполнилось лет, наверное, двенадцать; или того меньше, – такой вот экипаж на всю округу один. И пашет он, считай, за десятерых коней. И свои поля опашем, и свободным, что на наших землях сидят, и соседям подсобим. Не за так, конечно. От такой помощи денег-то побольше выйдет, чем от самого урожая. Так что своими холопами и сеять то не обязательно было. Только не простаивать же земле-то, кормилице.

Отец при этом показывал на железное чудовище, которое с большой натяжкой можно было назвать трактором. Огромные железные колеса с поперечными грунтозацепами и тонкими на вид для такой махины спицами; закрытая кабина, по сути сидение в будке, на котором восседал, как на троне, Генрих, отец Курта; и... все? Ну, корпус, конечно – рама какая-то внушительная. Тогда юный боярич ничего несурзано-

го в этом «тракторе» не увидел. Теперь же внутри себя воскликнул:

– А где самое главное?! Где двигатель?! И все, что к нему прилагается?

Воскликнул, и сам же нашел ответ на порыв души:

– Так магия, дружок! Магия рулит. Как?...

Впрочем, дальше в воспоминаниях было еще интересней.

– Батюшка, а соседи такую же махину не построят? Тот же граф Воронов, к примеру.

Парнишка уже тогда знал, что мир, в общем-то, хоть и создан Господом Богом, но зла в нем предостаточно. И людей злых тоже. Вот, к примеру, граф Воронов Алексей Степанович, по какой-то причине закусившийся с соседним владельцем. Только воинские заслуги боярина Шубина и спасали от войны родов. А точнее, от бесчестного нападения. Это отец так говорил когда-то.

– Э, не-е-ет! – рассмеялся тогда боярин, – чтоб построить такой экипаж, это своего Генриха надо иметь. А главное – разрешение от князя. Да не от нашего, а Великого – дай Бог ему здоровья и долгих лет жизни. И от Церкви тоже, чуть ли не от самого патриарха. Дойдем до дома, я тебе эти бумаги покажу. Так что по всей округе такой вот самобеглый экипаж только у нас, да князя Столетова есть. Только у князюшки нашего карета огромная от камня магического бегают. Без коней, вестимо. Эх, и благо получилось. Прямо дворец на колесах.

– Ух, ты, – загорелись тогда глаза у парнишки, – вот бы на такой прокатиться.

– А и катался, – усмехнулся боярин, – не помнишь разве что. Экипаж-то для князя вот тут, у нас, и делали. Точнее, пригнали, а уж мы с Генрихом и оборудовали.

Почему на небогатый, и почти позабытый боярский род просыпались такие милости, отец тоже рассказал. Генриха Шварца, он же теперь Шварцев, боярин привез как ценного специалиста с германского похода. За которого пришлось-таки повоевать аж в самой Москве. Хорошо – тогда его сиятельство майор Шубин был у Великого князя в большой чести. Да и первый экипаж новый холоп оборудовал как раз для государя московского.

Тогда же отец, разоткровенничавшись, рассказал и о причинах неожиданной для всех войны с германцами. На которых кстати, навалились всем миром. Ну, который рядом с германскими землями располагался. Русское государство непосредственно с этими землями не граничила – там тонкая прослойка польская была. Но ничего, шляхта слова не сказала – пропустила войско русское.

– А все потому, сынок, – рассказывал боярин уже в кабинете, показывая те самые бумаги, – что нарушили немчуры самый страшный запрет, который наложили все царства-государства. Да и Церква – и наша, богоспасаемая, и римлянская, и, прости Господи, мусульманская тоже.

– А что за грех-то батюшка?

– На оружие богомерзкое, – сказал тогда боярин таким тоном, словно сам он в чем-то сомневается, – дальнобойное, огненного боя. То оружие, которым сам Сатана честный люд смущает.

На этом разговор как-то сам собой сошел на нет, а Николай открыл сейчас для себя две очевидные истины. Первая, это что властвующий триумvirат – знать, Церковь и маги – ну, очень не хотят делиться властью. Потому и зажимают все новое, прогрессивное. Ведь снайперской винтовкой любого мага подловить можно. Какой-бы силой он не обладал.

– Ну, какие-то артефакты защитные точно есть, – возразил себе не очень активно боярич.

– Так и боеприпас можно сделать магическим.

На это возражений не последовало. Тем более, что хотелось поскорее рассмотреть вторую истину. Точнее, те самые бумаги; так сказать, техпаспорт транспортного средства. Отец тогда разъяснил дополнительно, что выписаны они на боярский род; без временного и пространственного ограничения. Езжай, куда хочу. Никаких номеров не требуется, и техосмотра со страховкой.

– Еще бы Дар у тебя проснулся, сынок, – вздохнул еще раз тогда старший Шубин.

– Вот он как раз и проснулся, – с запозданием в несколько лет ответил Николай, – значит, без куска хлеба не останемся. Но те слова об осторожности, о которой говорил дядька, нужно умножить. В десять, или в сто раз. Тут, как оказалось,

прогрессоров не любят. Сильно не любят. Как бы не до костров на площадях.

Он напряг память, но ничего конкретного из нее не выудил. Разве что слухи смутные, что пропадают люди иногда; бесследно. Ну, и про дворянчика муромского тоже вспомнил, пусть и без имени.

А впереди, между тем, показалось диво дивное. Два холма, каждый из которых был увенчан архитектурным шедевром. Тот что левее по ходу представлял собой классических форм церковь; на взгляд парня, слишком великую для села. Точных цифр боярич не знал, но сотни четыре в Ославском точно жили. А размеры... ну, размахнулся боярин Шубин, подарил родному краю храм с запасом. Так, чтобы всем селом поместиться могли. Не руками же бетон месил.

Правее дороги, делившей село пополам, на другом холме возвышался родовой замок. Тоже единственный на всю округу. А может, и всю губернию. Холм этот обрывался у реки, Нерли – притоке Клязьмы. С чистейшей водой, в застойной протоке которой Коля успел уже этой весной искупаться. Без всяких проблем для здоровья, кстати. В реку с двух сторон «нырял» ров, огибавший замок подковой. Да не простой ров, а тоже одетый в камень – глубокий и полный воды. По сути, это был рукотворный рукав Нерли. Там даже рыба водилась. Но раков не было – негде им было прятаться. Высокие стены; башни, выступающие по углам... Крайняя справа, у реки – сторожевая; вообще на минарет смахивает.

Понасмотрелся он на них... когда-то, и где-то.. Башня эта еще и водонапорной была. Как именно подавалась вода туда, наверх, боярич не знал – не интересовался прежде.

– Тоже магия, наверное, – пожал плечами парень, жадно пожирая глазами картину впереди.

На башню он бегал, и не раз. Вид оттуда был... Даже владимирские церкви разглядеть можно было, не только боголюбовские. А еще – подвалы! По большей части пустые. Отец-то размахнулся, а складывать было особо и нечего. Зато вся дворня – не знал пока сколько человек боярич – свободно помещалась в замке.

– За пределами его только во-о-он то оказалось, – сообщил непонятно кому Коля, – свинарники там, коровники. Кузница тоже. И это батина работа. На века свинарники-то сработаны. Хотя в замке тоже мастерская есть. Он же гараж, в котором ценное имущество хранится. Вот там папашка Курта и хозяйничает.

Боярича встречали. Наверное, все, кто сейчас был в замке. Навскидку человек тридцать. У распахнутых настежь ворот, в которые экипаж вкатился по каменному же мосту, никого не осталось. Означало ли это, что бояться врага здесь, в самом центре Руси было некого? Николай почему-то так не считал. Но говорить об этом громко не стал. Поднялся с сидения, оглядел двор и людей в нем с высоты своего роста, и чуть поклонился.

– Ну, здравствуйте, люди добрые...

И только потом прыгнул на камень, которым была покрыта небольшая площадь перед крыльцом. Где, собственно, и собралась вся встречающая компания. Боярич прошел вперед запряженной лошади и другой, с которой так и не слез дядька; остановился. Медленно прошелся взглядом по лицам. Узнавал каждого; и с каждым добавлял по файлу воспоминаний. Чуть останавливался на отдельных физиономиях – знаковых, так сказать. Товарищи по играм – Темка и Захарка; управляющий, дядька Арсентий; баба Нюра; Анфиса, официальная, можно сказать, сожительница отца. На этом лице хотелось остановиться подольше, но сдержал себя, не выделил ничем. Взяв за реперную точку лицо бабы Нюры, обратился ко всем, повысив голос:

– Живите, и работайте, как при батюшке моем жили. Постараюсь, чтобы хуже не стало. А там – как получится.

Последнее, конечно, не вслух – зачем людям настроение вперед портить. Он действительно собирался укорениться здесь так, чтобы хорошо и привольно было и ему, и всем, кто его окружает. И кто заслужит этого, конечно. Хотя с чего начинать, пока не знал.

– Ну, с чего-то ведь надо. Вот, в баньку бы, – вспомнил он про знак на груди, – больничный запах смыть.

Вообще-то никакого запаха и не было. В комнатке, в которой беспмятное тело боярича провело несколько дней, никаких лекарств не было. В прошлый раз были, а теперь... разве что ладаном пропахло чуть-чуть, да свечами.

Паузу, затянувшуюся, опять-таки за воспоминаниями, прервала баба Нюра. Переваливаясь, как утка, но очень шустро она сбежала по лестнице. Подступила к парню и, обняв, попыталась прижать его буйную головушку к груди. Ага, щаз! Лет пять назад у нее, быть может, что-то и получилось бы. И получалось, кстати. Теперь же к теплой груди, закрытой поверх какой-то теплой одежки еще и фартуком, ткнулся лишь пупок боярича. Вот откуда-то оттуда, снизу и прозвучали невнятные, но такие проникновенные в своей искренней печали всхлипы да рыдания. Изо всего Николай разобрал разве что «сиротинушка». Отстраняться не стал. дождался, когда баба Нюра, которая рядом оказалась такой миленькой старушкой, что скребла-скребла по сусекам, да и наскребла на колобок – в собственном лице – отступила на шаг, не отпуская рук от ладоней боярича. В которых, однако, могла зацепить только что за три пальца на каждой.

– А мы ждали, так ждали, Николай Ильич, – всхлипнула она еще раз, – все глазыньки проглядели. Ой, да я сейчас и на стол велю накрывать...

– Да ты что?! – вроде как притворно испугался Николай, – я же только что курицу твою съел, с пирогами. А вкусно, баба Нюра... половину костей так и скушал.

Он аккуратно вынул правую ладонь из старушечьей, и похлопал себя по животу. А потом поспешил порадовать поварику:

– Вот сейчас в баньку схожу, а потом и за стол. Соскучил-

ся я по твоей стряпне, баб Нюр, – потом, после небольшой паузы, – и по тебе тоже.

Старушка буквально заалела щеками, а рядом с ней кашлянул подкравшийся незаметно Арсентий. Ну, это он, наверное так думал, что незаметно. Боярич-то каким-то образом контролировал все и всех вокруг; даже у раскрытых ворот.

– Здравствуй, Арсентий Палыч, – кивнул парень мужчине возрастом лет сорока пяти-пятидесяти.

Сколько помнил себя боярич, человек этот, холоп по магической клятве боярскому роду Шубиных, всегда куда-то спешил; и лицом и телом показывал великую занятость. Поэтому, наверное, при такой должности и не наел живота. Был сухощавым, юрким, как ртуть, и с неизменно строгим выражением лица. Кроме тех моментов, когда разговаривал с боярином. Или вот как сейчас – с Николаем.

– И вам здравия на многия лета, – поклонился он чуть ли не в пояс, – баня, считай, готова. Чего прикажете подать туда?

Парень завис буквально на мгновение. А потом кивнул на стоящую рядом повариху:

– Пусть квасу от бабы Нюры принесут. Холодного. Лучше ничего и не может быть.

Бабка просияла круглым лицом, и шустро засеменила в замок. Управляющий же притормозил парня. Еще с одним вопросом, который задал с заметным напряжением в голосе:

– Кого прикажете прислать в помощь вам, Николай

Ильич? Может, Анфису Никаноровну?

– Оба-на! – чуть не вслух вскрикнул боярич, – а че – так можно?

Он, быть может, и согласился бы – выскажи такое намерение сама красавица, да без свидетелей. Сейчас же только мотнул головой:

– Нет, Арсентий Палыч. С Анфисой Никаноровной я за обедом поговорю. Заодно урок французского языка повторим, да манер благородных. Не возражаете, Анфиса Никаноровна?

Анфиса Никаноровна не возражала. Напротив, чему-то сильно обрадовалась, заалев щечками почти так же интенсивно, как повариха. Ну, и недоумение на красивом, аристократичном лице проступило – вспомнила, наверное, что последний урок французского языка провела с парнем года три назад. Потом и сама она, а главное – боярин – отстали от школяра, возложив дело воспитания на дворянскую школу.

– А в баню я с дядькой пойду. Как, дядь Миша, не заботишься меня с веником?

Сказал, и сразу подумал – зря он это, про веник. Веника-то казак, может быть, и не боялся, а вот магию в неопытных руках отрока...

Но куда деваться, пошел. Даже коня не сам в конюшню отвел, а сыну своему, Захарке, поручил. Захар был третьим соучеником из «учебного класса» казака. Самый мел-

кий из четверки; верткий, как вьюн, и единственный, которому хоть как-то поддавалась наука «танца» с двумя клинками. Хотя до отца, конечно, ему было, как до... Но Николаю было еще дальше. До сегодняшнего дня.

— А там посмотрим, — ухмыльнулся он; и уже вслух, — пойдем, дядька. Только на ворота кого-нибудь поставь. А то последнее добро у сиротки унесут.

Дядька Миша как ветром пронесся по двору. Люди в основном разбрелись еще раньше, но двое караульных, которым кроме как к воротам идти было некуда, зашуршали, как электровеники — пока не остановились на посту у ворот, как и положено. «Рубильником», кстати, послужили два хороших таких леща от дядьки. Не сильных, но обидных. Вообще-то для бывших казачков, которых отставной десятник Дементьев сам и привел к боярину, такой подход к службе — в виде подзатыльников — был внове. Так что они, кажется, больше удивились, чем обиделись.

— Ничего, — чуть кровожадно пообещал им, да и вообще всем в замке Николай, — вы еще и не так удивитесь.

Но этих слов не услышал даже дядька, закрывший за ним дверь в баню.

Глава 4

Баня в замке была шикарная. И не единственная, кстати. Наружные стены в батюшкином строении были не только высокие, но и толстые. По той причине, что по всему периметру были представлены помещения самого различного назначения. Тут и жилых комнат хватало – практически квартир разного метража; и кладовых; хотя куда еще больше – с такими-то подвалами. Кстати, самые верхние этажи были отданы под оружейные запасы. Не сказать, чтобы внушительные, но все же. Дров, конечно, уходило за зиму... Но все равно, как подсчитал однажды Арсентий Палыч, так, сообщая, даже экономия получалась; как бы не вдвое от обычных изб – если бы всю дворню расселить.

Вот среди этих помещений и были две общие бани – для мужиков и женщин отдельно. Топились по определенным дням. Ну, а господская, боярская – в полуподвале центрального здания – того, что в Европах называют донжоном – по мере надобности. Вот сейчас такая надобность и возникла. Эта вот баня была... как бы ее охарактеризовать? В общем, Великого князя пригласить было не зазорно.

– Ну, про Великого не скажу, – вспомнил опять Николай, – а Владимирский у нас тут побывал. Смутно, но помню.

Естественно, что стены тут были не каменными – не ба-сурмане ведь. Все было обшито разными породами деревьев:

и раздевалка; и зала огромная с камином, в котором можно было целиком зажарить поросенка приличных размеров; и парильня, в которой стены и потолки с полами были обшиты липовыми досками без единого сучка, а полки из какого-то экзотичного дерева аж из самой империи Ацтеков. Такого, что при любом паре никак не обжигали. Батюшка специально узнавал – природная ли у этих деревьев особенность; не применяют ли к ним тамошние жрецы свою кровавую магию, в целях наживы? Ну и чтобы души честных христиан смущать. Но нет – там все было чисто и честно.

Вот моечная была из камня – под мрамор. А может, и действительно натуральный мрамор батюшка из итальянских земель прихватил. Они ведь от германских совсем недалеко.

Ну, и мебель тут была, конечно, соответствующая. Боярская. Одного не хватало. Света. От узких, сантиметров тридцати высокой окошек его было явно недостаточно. Зато – щелкнуло еще раз в голове парня – тут были «волшебные» лампы. Натуральные шары на бронзовых канделябрах, вырастающих прямо из стен. Не так много, по одному на каждую комнату. Коля даже вспомнил, как бережно отец прикладывал к ним палец. И рассказывал что-то на предмет того, как дорого обходится каждый из магических светильников, и что если подать в них чуть больше...

Не раздумывая внешне совсем, а на самом деле настроившись, как перед подходом к штанге с предельным весом, боярич подошел к первому же шару – в раздевалке; в прихож-

ке, где был аккуратно складирован запас дров, такого не было. Словно повторяя все движения батюшки, мягко коснулся холодного... стекла; камня? И подал энергию; совсем чуть-чуть. Что творилось внутри шара не заметил, но вот то, что какая-то часть искорок просочилась наружу, но зрительно никак себя не проявила, было неоспоримым. Подал чуть больше, и еще, с восторгом наблюдая, как внутри белого, словно залитого внутри молоком, шара начинает разгораться свечение.

Перестраховался, конечно – довел яркость до такого состояния, что в просторном помещении стало...

– Ну, ватт на шестьдесят лампа, не больше, – определил он, проходя в залу-каминную, она же трапезная, – а больше и не надо. Зачем в бане яркий свет? Хотя... учитывая наличие вон того трехспального дивана, можно и чуть поярче. Или французский язык можно совсем без света изучать?

В каминной зале магическая лампа тоже была одна. Но свету добавлял огонь из камина – живой, дровяной, а потому особенно приятный душе. Коля так сначала к очагу и подошел, протянув к нему руки. Так то не зябко было, а теперь и вовсе стало хорошо. Но лампу все же «зажег», подав в нее чуть больше энергии. А еще – засек время на больших напольных часах, которые отстояли чуть в стороне от камина – это чтобы коробка драгоценного дерева не рассыхалась. Часы эти тоже были трофейными; тут в памяти распаковались сразу несколько файлов, в основном из детства. Ну, те

самые, как мимо катятся тяжелые возы с нагרא...

— С трофеями, конечно, — поправил он себя, невольно перекрестившись, — это здесь в порядке вещей. Ну, наверное, и везде так. Кто сильный, тот и прав. А батюшка сильным был... пока не сгорел. За то и ценили.

Часы — с совершенно обычным циферблатом — показывали без пятнадцати одиннадцать. Насколько помнил боярич, никакой регулировки у осветительных шаров не было. Светят, пока энергия есть, а потом раз — и в темноте.

— В полутьме, — поправил себя парень, возвращаясь в раздевалку, где дядька, до того внимательно наблюдавший за действиями воспитанника, уже успел разоблачиться.

В одних подштанниках стоял. Тут еще один персонаж обнаружился — парнишка лет двенадцати. Пахомка, синишка одного их дворовых холопов и, скорее всего, сам будущий холоп. Ну, на эту тему Николай решил поразмышлять попозже. Больно уж обширной она была, и не во всех подробностях понятной. Не интересно было все это бояричу; до сегодняшнего дня.

Парнишка, глядя на Николая чуть испуганно, доложил на согнутый локоть охапку дров, и исчез еще в одной двери. Там — знал боярич — находилось главное, для чего весь этот комплекс и оборудовался. Печи, которыми грелась и вода, и камни в парной. Раздевшись догола, практически в одно время с никак не торопившимся дядькой Мишей, Николай подхватил со скамьи простыню — явно льняную. Обер-

нул себя на манер римских аристократов – это чтобы прикрыть не только серединку тела, но и чуть повыше, грудь вместе с шрамом в виде креста. Больно уж косился на это «чудо» Михаил Васильевич. Боярич подумал, и сам удивился – дядьку по отчеству никто и никогда не называл. Но вот всплыло же в памяти.

– Ну что, – бодро воскликнул он, – погнались?!

Он ожидал от казака ответа, чего-нибудь вроде: «Не гони – не запряг еще!». Но тот только посмотрел на парня с удивлением, и без слов шагнул вперед.

– Промашка? – задал себе вопрос боярич, – и сколько таких еще будет? Надо бы отвлечь внимание. И я даже знаю, как.

– А что, дядька Миша, много ли у нас холопов боевых, в замке? Не думаешь, что теперь охранять его нужно куда как серьезней?

Сам парень сидел уже на верхнем полке, на котором можно было развалиться и втроем, не касаясь друг друга потными боками. Дядька же задержался внизу, у огромной емкости с камнями, от которых прямо полыхало малиновым жаром. Ну, и бадейка деревянная там рядом стояла, с темно-бурой водицей, да ковшиком. Тоже деревянным. Пар в помещении, кстати, был не сказать, что обжигающим. Скорее всего, затопили баню недавно. Но спина казака вдруг начала краснеть – словно не грудью, да животом был повернут к камням, а этой самой спиной. Коля злорадствовать

не стал, хотя понял – сейчас пожилой воин банально покраснел. От стыда, за своих подчиненных. Но ничего говорить не стал, ждал ответа. А казак не торопился. Ловко подцепил ковшик, примерился – столько ли зачерпнул, сколько надо, и плеснул его содержимое так, что вода накрыла камни словно тонким покрывалом, тут же зашипевшим, и испарившимся в мгновение ока.

Сам же дядька буквально перетек на три шага от источника жара, одновременно опуская ковшик на место и разворачиваясь. Боярич аж залюбовался такой стремительностью. Мгновение, не больше. Потом его накрыло волной жара; не обжигающего, а какого-то ласкового, расслабляющего. Простыня словно сама сползла с груди, и теперь он сидел на ней, запахнув концы меж ног. Николай даже глаза закрыл от наслаждения. И не сразу открыл, хотя дядька Миша принялся отвечать на вопрос. Обстоятельно так, с подробностями:

– Батюшка твой, боярич, Илья Николаевич – царствие ему небесное – два десятка боевых холопов держал. Как положено, пополам – десяток в усадьбе, а второй в полку, во Владимире. Ну, или где они там обретаются сейчас.

– А хватало, – перебил, не выдержав, Николай, – или нужно теперь еще поискать?

– Можно и поискать, – кивнул дядька; Николай, наконец, открыл глаза, – можно и из полка забрать. Но тогда за каждого в княжью казну платить придется. Сколько – не знаю.

Тут надо у Арсентия спрашивать. Полагаю, что немало.

– А если новых?

– Где ж справных найдешь сразу, – усмехнулся дядька, пристраиваясь на нижнем полке; боковом – так, чтобы впол-оборота смотреть на боярича, – так набирать сразу вдвойне не нужно. Половину сразу в полк. Иначе никак, от штрафов сразу голым останешься.

– Донесут?

– А как же, – чуть удивился дядька, – понятное дело. Не один, так другой. А то и сразу несколько соседей. Тут секреты долго не держатся. Вот в понедельник в школе и увидишь.

– Про то, что Дар получил?

– И это тоже, – кивнул казак, – но не сразу, наверное. А вот про крест святой на груди – о том уже сегодня все знать будут. А уж завтра, так точно.

– Это почему же?

– Думаю я, Николай Ильич, что батюшке нашему, отцу Алексею, ты сам должен рассказать. И показать. Еще и на ла... на храм кошель с собой захватить. Оно по божески – батюшке на помин души.

– Это сделаем, – кивнул, соглашаясь, парень, – а откуда батюшка наших бойцов раздобыл?

– Это как! – аж крякнул старый казак, – бойцами они будут, когда первый бой примут. А у нас тут считай тишь, да гладь, да божья благодать. Холопов же я из станицы привез –

мальцов, да обучили уже здесь. Как станицы с Дона, да с Днепра к перешейку переселяли, так многие туда ехать отказались. Или на землю свободными садились, уже не казаками, или... вот сирот там кто повзрослее набрал по замятне. Да к ним четырех послуживших уже, крови понюхавших. Этих с семьями. Пять лет, считай, уже прошло. Да ты и сам помнить должен – большой обоз тогда боярин привел. Холопов десяток татарчат, да казачат. Эти уже сами, уговорили.

И опять Николай с трудом удержался, чтобы не нырнуть в кладовые памяти. «Подвалы» эти были глубокими, но очень уж замусоренными. Однако обозначенный обоз он вспомнил. Как и парнишек, за которых взялись всерьез опытные казаки. Сам Николай к тому времени уже тоже проходил воинскую науку. Но, сообразно возрасту, не такую жесткую. Это теперь вот...

– А подкинул бы еще пару, – попросил парень.

– Это я с удовольствием, – улыбнулся казак, – выдержишь ли там, наверху? Раньше ты баню не очень приветствовал.

– Так то раньше, – пробурчал боярич, раскатывая простынь на полке, и растягиваясь на животе.

Главным образом затем, чтобы не смущать дядьку крестом на груди лишний раз. А еще вспомнил про то, что сильного жара он прежде... не то что не выносил – просто не понимал восторга отца, переставшего его брать с собой на такие процедуры уже года два как.

– Как раз, как Анфиску полюбовницей уже в открытую называть стали, – всплыл еще один кусочек информации, – ну, а я и не настаивал. Нет – ну как же все таки хорошо. Прямо замечательно. Жаром дохнуло, а для души, как будто свежим воздухом все тут наполнилось. Хочется дышать полной грудью...

Что боярич и сделал, не испытывая никакого дискомфорта. От опытного казака его состояние определенно не скрылось. Да парень и не скрывал ничего. Усаживаясь на свое место на нижнем полке – после теперь уже двух ковшей отвара на камни – дядька покачал головой, и сделал вывод, который уже и самому бояричу напрашивался:

– Это все Дар твой, Николай Ильич. Ишь, как он жара-то требует. Но поддавать больше пока не буду, и не проси. Или сам потрудишься, а я выйду вон.

Казак действительно был красным, как только что отваренный рак. Но сухой – пот, если он выступал из пор – сразу испарялся. Боярич лишь кивнул, соглашаясь, и непроизвольно расслабился, «ныряя» во внутренний мир. Изменения были, и значительные. Ядрышко видимых изменений не претерпело, а вот облачко теперь... да не облачко теперь – искрами было пронизано все тело изнутри. Снаружи же... Шубин понял – захоти он, и весь покроется искорками; как новогодняя елка на снегу. Или... Тут вспомнился старый фильм, с другим Шварцем в главной роли, тем, который потом губернатором Калифорнии стал. Вот там был

такой «электрический» человек. Замкнуло его еще. Как раз по всему доспеху искры, да молнии микроскопические бегали; пока злодей этот не дернулся в последний раз, да не издох.

– Интересно, – задал себе вопрос Николай, – а если в воде наружу выпустить искры, да побольше – что будет? А ничего хорошего, скорее всего – для того, кто рядом окажется. А для меня? Сдается, даже не почешусь. Но проверять пока не буду. А вот насчет воды идея неплохая. Даже замечательная.

Было здесь, в банном комплексе, еще одно помещение. Бассейн. Не плавательный, конечно, на пятьдесят метров, но вполне внушительный. А главное – всегда со свежей водой. Как именно поддерживалась эта свежесть, боярич не знал. Пока. Не знал, потому что прелести вот таких контрастных процедур прежде тоже не понимал. Теперь же, выпустив наружу юношескую озорную натуру, он заорал что-то невразумительное, отчего дядька едва не упал с полка, и ринулся наружу, открывая перед собой двери – одну, вторую, и без всякого раздумья, сигая в глубокий бассейн. Хорошо так прыгнул; даже до дна достал. А потом забарахтался в воде – от борта и до борта, выпуская наружу дурную силу. Не электрическую, а обычную, человеческую.

Отметил, как в полутемный зал заглянул, а потом, показав головой, закрыл за собой дверь, дядька. Прохладная вода бодрила ничуть не меньше, чем жар. Но... как-то иначе. Почему-то подумалось, что там, на полке, он смог бы пролежать

очень долго – столько, пока не надоест. Здесь же... Мощным рывком – ну прямо как дельфин какой-то – он оказался на мраморном бортике. И так же бегом ринулся обратно в парную. По короткому коридору, минуя каминный зал, где слышалось какое-то бульканье. Чуть задержался, раздумывая – не свернуть ли туда, хлебнуть холодного кваса. Но тело требовало жара; чем больше, тем лучше. И боярич опять нырнул в полутьму, наполненную облаками пара, исходящими от камней.

Николай никогда не был мастером банных процедур. Поэтому так ловко плеснуть отвар каких-то специально подобранных трав, как это получалось у опытного казака, не сумел. Просто вылил два полных ковшика на камни, и впереди рванувшегося кверху облака пара прыгнул на свое место, на чуть скомкавшуюся простыню.

И расплылся на спине в позе отдыхающей морской звезды, опять без всяких усилий переходя во внутренний мир медитации. Теперь он не только наблюдал за дарованными ему свыше способностями, но и попытался управлять ими. Искорки команде подчинились. Не сразу, и, как понял Николай, не очень охотно, но все же. Упражнение было простейшим. Боярич пытался собрать искорки в привычное уже облачко вокруг ядра, а потом отпустить «на волю». И с каждым разом чуть быстрее, и резче. А искорки, или магическая сущность, словно поймали ритм, и подчиняться командам стали, кажется, много охотнее. А вскоре и физическое тело

стало реагировать на его попытки управлять даром. Ощущения были такими, словно Николай раз за разом нырял в тот самый бассейн, а потом опять оказывался на полке. В тот самый миг, когда его достигала очередная волна жара.

Полезно ли это было для здоровья? А для магического дара? Ответа Николай не знал, а потому долго с экспериментом не разлеживался. А тут как раз дверца еле заметно скрипнула. Ну, или бояричу так показалось – так-то за состоянием хозяйства тут следили строго.

– Веничком-то? – с вопросительной интонацией сказал казак, не входя в парилку.

– Не в этот раз, – помотал головой боярич, поднимаясь, – отдохнуть надо. Пусть тут проветрится, а потом и похлещемся. На свежую голову.

Головными уборами, к которым, оказывается, был привычен когда-то Николай (ну, или кто-то другой), да тапками тут не пользовались. Ну, последнее понятно. Полы теплые; никакой заразы быть не может, потому что никто, кроме семьи боярина, да вот сейчас казака Михаила здесь и появиться не смел. Кроме уборщиков, конечно.

– Еще Анфиса, – вспомнил парень, поспешно сдергивая с полка простынь, и оборачивая ее вокруг бедер, – пошли, что ли, дядька? Кваску попьем. Да разговор наш продолжим.

Квас был отменным; как и все, что выходило из рук бабы Нюры. А вот разговор... Разговор пришлось прервать. Практически он даже не начался. Так, несколько общих фраз.

В дверь, ведущую а раздевалку, кто-то поскребся; потом несмело постучал.

Казак оказался там первым. А боярич со своего дивана, на котором даже он, с его мощной фигурой, несколько затерялся, только чуть дернулся. А потом опять опустился на мягко обволакивающее ложе.

Дядька вернулся быстро. Явно озабоченным, если не сказать встревоженным.

– Что там? – выпрямился на диване Николай.

– Малец прибежал, – хмуро доложил казак, – Арсентий его прислал. Гость там пожаловал.

– И кто же это? – хмыкнул чуть настороженно Шубин.

– Граф Воронов Алексей Степанович, собственной персоной.

– О, как! – Николай наклонился, и поставил на столик бокал с квасом – чтобы невзначай не глотнуть, и не поперхнуться; от еще какой подобной «доброй» вести, – первым прибыл. И что ему нужно?

Спросил, и сам понял, что вопрос лишний. Любой владелец, тем более такой властолюбивый, как граф Воронов, говорить с холопами не будет. Так что придется все самому; невзирая на возраст, и жуткое нежелание общаться с кем-то из власть предержащих вот так, не разобравшись в ситуации. А в том, что в этой самой ситуации он еще ох, далеко как не разобрался, было понятно любому. Самому бояричу в первую голову.

– Ну, пойдём, – парень, дождавшись от дядьки лишь укоризненного покачивания головой, и поднимаясь на ноги, – одеться бы ещё во что-то приличествующее случаю.

Боярин Шубин приемов и балов в своем замке не устраивал; сам на приглашения не отвечал. Да его в последнее время и приглашать перестали – это наследник точно знал. Как то отец сам то ли пожаловался, то ли похвалился. А единственный обязательный прием у князя Владимирского, новогодний, Николай с отцом посетил в прошлом году. В этом же по болезни боярина и его пропустили.

Шубин вдруг рассердился на себя:

– И что это я вдруг выделяться собрался?! И перед кем? Перед этим фанфароном, которого отец ни во что не ставил – несмотря на все его богатство и влияние? Пусть я не отец, но я Шубин! Из рода, который когда-то вместе с Рюриком государство российское собирал!

Откуда взялись такие эмоции в голове парня? Что их подпитывало? Может, вновь обретенный дар? В общем, из бани он вышел спокойным, сосредоточенным. Одетым во вполне приличный, и привычный костюм, который одевал на торжественные по семейным меркам мероприятия. Тот же кафтан, прямые штаны и сапоги, теперь уже до колен. Только материал подбортней, да пошив качественней. Но и этот костюм, родной, не раз надеванный, сейчас немного жал в иных местах. Не так, конечно, что затрещал бы от резкого движения, но все равно – озаботиться об обновке следовало.

Парнишка, принесший весть о неожиданном госте, еще раньше был послан к управляющему с командой – проводить гостя в малую гостиную, и накрыть столик. Ничего основательного – так, чтобы приличия соблюсти. Особо Николай велел поставить бутылку вина из запасов. Сам пить, конечно, не собирался.

Первоначальное чувство возмущения, даже злости – какой кайф обломали! – с каждым шагом насыщалось еще и здоровым любопытством. По сути это было его первое настоящее общение с новым миром. Миром взрослых, где нет места жалости; где балом правит сила. Которой у юного княжича было, говоря откровенно, совсем немного. Но и козыри были в рукаве, о которых забывать не следовало.

– И открывать раньше времени не след, – посоветовал, а скорее скомандовал себе Николай, входя в гостиную, – рано выходить из образа недоросля, к которому привыкло окружение.

Граф Воронов ждал его у окна, стоя спиной. И поворачиваться не спешил, хотя явно понял, что в комнату кто-то вошел. Как это понял сам боярич? Да шут его знает – понял, и все. Может, по чуть напрягшимся спине и шее владетельного соседа, едва заметно изменившемуся дыханию... А может, и вновь обретенный дар подсказал. Однако сомнений у Николая не было.

Кашлять, дабы привлечь внимание достаточно стройного со спины мужчины, несмотря на солидный возраст послед-

него, боярич не стал. Сказал вполне сообразно правилам, которые какой-то частью закрепились в его голове со школьных уроков:

– Ваша Светлость...

Мужчина у окна медленно повернулся. Так, словно представлял парню возможность лучше его рассмотреть. Еще несколько дней назад боярич Николай Шубин даже не подозревал, что такое кинематограф. Теперь же, ничуть не удивляясь, подумал, что гость лицом практически один в один похож на народного артиста Валентина Гафта. Разве что выражение этого самого лица было надменным. Не нарочитым, а словно намертво приклеенным, въевшимся в натуру.

В остальном же граф Новиков был ничем не примечательным. Костюм для охоты; ни единой складки – будто прибыл сюда не верхом. Хотя слабый запашок конского пота боярич явственно ощущал. Сапоги с высокими голенищами сверкают так, словно только вышли из под чистки. Ну, и взгляд – острый, оценивающий. Так опытный мясник приглядывается, с какого боку начать разделку туши. Тушей, естественно, он почитал юного боярича. Тем не менее начал он вполне куртуазно. Может, привычен был так разговаривать, а может, предполагал, что кто-то может слушать его слова. Кроме самого боярича. Который, кстати, тоже не отрицал такой возможности.

– Николай Ильич, – склонил он голову, не меняя, впрочем, выражения лица, – мои самые искренние соболезнова-

ния по поводу кончины вашего батюшки, боярина Ильи Николаевича Шубина...

Тут приличия, или правила, предполагали от него несколько слов о том, каким замечательным соседом был почивший боярин, и как много потеряло Отечество с кончиной одного из выдающихся ее сынов. Однако граф, вероятно, посчитал достаточным и того, что высказал. Ну, и Шубин не стал затягивать паузу. Ему, по большому счету, соболезнования соседа были, что называется «по барабану». Цену им он уже определил. Как стремящимся к нулю. Потому ограничился таким же кратким: «Благодарю, Ваша светлость», – и показал на столик:

– Прошу вас.

Граф опять не торопился. Даже изобразил на лице задумчивость: «А надо ли? Сказал, что хотел, можно и уходить. Что тут еще делать?». И опять Николай каким-то образом понял, что эта вот пауза наиграна; что граф Воронов явился с какой-то определенной целью, которую сейчас представит как ничтожную.

– Больше того, – усмехнулся внутри себя парень, – еще и благодетелем себя выставит. Ну-ну, начинай.

Алексей Степанович между тем двинулся к столику, накрытому на двоих; словно нехотя. Присел. Ну, и не удержавшись в силу своей натуры, кивнул бояричу на свободный стул. Мол, садись. Слово это он принимал в гостях юного Шубина. Остановил взгляд на бутылках, который венчали

собой угощение – коньяк не самых дешевых сортов, чистая как слеза водка, да вино полусладкое с германского похода. Чуть хмыкнул, и перевел взгляд на юношу, как раз усевшегося напротив него. Метрах в двух, учитывая размеры стола.

– За угощение спасибо, Николай, – хмыкнул он теперь громче, – но приехал я не затем.

– Зачем же? – не стал показывать обиды боярич, – насколько известно, никаких дел с вами отец мой не вел. Или долги какие есть?

– Про долги мне не ведомо, – кивнул граф, – явился же я, чтобы пособолезновать еще и о твоей судьбе, боярич.

– А есть чему соболезновать? – сделал вид, что удивился Николай, – ну, кроме батюшки, конечно. Я молод, здоров, о чем мне только сегодня доктор сообщил. Пусть не сильно богат...

– Не сильно, это ты правильно сказал, – прервал его, усмехнувшись, граф Воронов, – а скоро от того богатства и вовсе ничего не останется.

– Это вы точно знаете, или предполагаете? – чуть напрягся боярич.

– Знаю..., – Воронов попытался изобразить на лице сочувствие; очевидно понял, что не получилось, и снова стал обличьем тем, кем и был изначально – высокомерной сволочью, – не ты первый, не ты последний. Хоть не велики твои владения, боярич, да и они кому пригодятся. Налетят как вороны, расклюют...

– А ведь не врет, собака, – понял вдруг Николай, – искренне верит. И зачем тогда приехал?

– Так вот...

– А вы, Алексей Степанович, – перебил его Николай, добавляя в голос жесткости, – первым «налетели», значит?

– А-ха-ха! – изобразил смешок граф, – вот это по-нашему. Уважаю. И да – я первый. Но не такой алчный, как те, что будут изображать благость и дружбу, сами же высасывая из твоей вотчины последние соки. До такой степени, что и самой вотчины не останется. И смею заверить, что там (он показал пальцем на высокий потолок) будут только смотреть и радоваться. Ты ведь последний в роду, который стоит вровень... ну, об этом не будем.

– А о чем будем?

– О том, что я готов дать тебе шанс продержаться хоть сколь-нибудь подольше. Да хоть и до совершенных лет, а там – прямой путь к службе у Великого князя, или нашего. Но на нашего я бы не рассчитывал...

– И каким же образом?

Боярич даже заинтересовался – чувствовал вот, что собеседник сейчас вполне искренен.

– А таким же, что и отцу твоему предлагал, Николай. Что у него было? Что он в наследство тебе оставил, которое еще надо сохранить, в чем я сильно сомневаюсь? Земля? Замок? Холопы? Счет в банке? Не сможешь ты воспользоваться ими, поверь. Еще и Дара у тебя не оказалось. С ним бы хоть какие

возможности были.

Шубин о своем даре предпочел пока не сообщать.

– Ну, предположим, поверю, – кивнул он, – а дальше что?

– А дальше, – граф вдруг подобрался, как зверь перед прыжком, – есть у тебя, боярич, еще одна ценность. На первый взгляд невеликая, хотя и считается таковой. Экипаж, которым твой мастеровой холоп поля пашет да сеет...

Парень едва не рассмеялся ему в лицо; через два метра, конечно:

– Трактор! – это про себя; тут же, с такой же иронией, вслух, – ой, не смешите меня, Алексей Степанович. Эта игрушка... да полдюжины тяжеловозов ее легко заменят; а у вас их сотни...

– Э, не скажи! – погрозил ему пальцем граф, – дело ведь не в самом экипаже, боярич. В полезности его ты не обманываешься. Игрушка, хоть и приносит толику денег.

– И зачем же тогда он вам?

– Не он, – отмахнулся, словно от мухи, Воронов, – грамота мне нужна. На владение самобеглым экипажем, да с твоей передачей права, заверенной мастером Разума.

– Так сами же сказали – нет у меня таких прав пока...

– Это моя проблема, – отмахнулся еще раз граф Воронов, – сам экипаж можешь оставить себе. Мне другой построят, не хуже, чем...

Ну, тут даже гадать не было необходимости – если на всю губернию таких было всего две единицы.

– Понты превыше всего, – подумал Николай, даже не собираясь сходу отвергать предложенной сделки, – даже денег.

– Я же, – опять откинулся на спинку стула граф, – тебе наличными заплачу. Пять тысяч в золоте. Ну, а как тебе ими распорядиться, твое дело. Мое же слово верно.

– Я... подумаю, – медленно кивнул парень, не отводя взгляда от собеседника, – вам же, Алексей Степанович, могу пообещать. Если надумаю передать грамоту, первым сообщу об этом вам. Мое слово тоже верно.

– Вот и хорошо.

Граф стремительно поднялся со стола, возвращая лицу непробиваемую надменность, которая недавно дала едва заметную трещину, и изобразил некое подобие поклона:

– За сим прощаюсь. Буду ждать вестей.

Он резко повернулся и чуть ли не помчался прочь из комнаты, не дожидаясь, когда боярич, как подобает вежливому хозяину, проводит гостя. Ну и Николай не стал изображать такого. Чуть фыркнул, оглядев так и нетронутое угощение; решил, что перебивать аппетит перед обедом не след, и неторопливо поднялся со стула. Потом любопытство все же взяло свое. Он подошел к окну, у которого прежде стоял граф, и попытался выглянуть наружу, чтобы проследить отъезд неожиданного гостя.

Стены у донжона были толстыми; навскидку, как почему-то подсчитал Николай, на три кирпича – хотя выполнены были из литого камня. И кирпичей подобной прочности,

знал боярич, в округе вряд ли было сыскать. Да и оконце было высоким, но очень уж узким. Такие называли стрельчатыми. Так что парню с его уже достаточно широкими плечами пришлось протиснуться в проем боком. Но и так сквозь двойные окна он увидел лишь краешек ворот, в которые как раз выходил граф. Которого ждал целый отряд конных холопов. Человек десять, не меньше.

Боярич полюбовался бы на коней графской дружины; особенно на его собственного вороного, которого под уздцы держал спешенный воин. Стати у четвероногих сподвижников дружины были на зависть. И это были не тяжеловозы, разведением которых славилось хозяйство графа Воронова. Настоящие боевые кони, которые... Которые махнули хвостами и исчезли. А тут и ворота закрылись. Боярич же, протискиваясь из оконного проема обратно на свободу, недоуменно покачал головой, пообещав задать позже вопрос. Кому-нибудь:

– Да хоть и дядьке. Это вообще нормально, что целого графа заставили перед воротами спешиться и пешком войти в замок. Эх, Коля-Коля, дурья ты башка! Что ж ты ничем вокруг не интересовался, кроме дядькиных тренировок, да побля... кхм..., на которые получалось сбежать? А вот потому и не интересовался, – огрызнулся он на себя, – что дядька Михаил считай, все время и гонял, как сидорову козу. Ну, школа еще...

Школа, как пока представлялось, было тем еще испыта-

нием. С невеликим багажом знаний, да непонятными отношениями со сверстниками. Точнее сказать, отсутствием этих самых отношений.

– Но об этом позже, – решил он, – а пока самое время перекусить. А что – может, Дар и все органы чувств обострил? То же обоняние, к примеру? Тут до кухни ого-го сколько, а пахнет... Я конечно, соседа на обед приглашать не соби-рался, но вот знал бы он, чего лишился...

За дверь, которая открылась сама собой, стоял дядька Михаил. Он, собственно, и открыл дверь. Спрашивать ничего не стал, но весь его вид словно кричал:

– Ну, что хотел от тебя этот аспид?

– А то ты не слышал? – усмехнулся про себя парень; тут же помотал головой и, уже вслух, – нет, дядька, все по-том! Жрать хочу – сил нет. Вот поем, тогда и обсудим.

Глава 5

Столовая, в которую боярич Шубин попал, ведомый памятью отрока и теми самыми запахами, размерами была...

– Квадратов сто пятьдесят, – оценил боярич наметанным (кем-то и когда-то) взглядом, – но обстановка скудновата, да.

Посреди чуть вытянутой в сторону нескольких таких же стрельчатых окон комнаты находился стол на двенадцать персон. Это Шубин уже не прикидывал – просто посчитал количество стульев у него. По пять по двум сторонам, да по одному у торцов. Вот у дальнего, за спинкой чуть отставленного стула, стояла женщина. Анфиса, любововница покинувшего этот мир боярина Шубина. Это младший Шубин прежде так думал. Теперь же бродили в нем смутные сомнения на этот счет, подогреваемые прежде всего тем обстоятельством, что женщину эту с вдовцом боярином связывали и какие-то сугубо деловые отношения. Какие? Вот после обеда боярич и собирался выяснить.

Пока же он не без удовольствия окинул взглядом стройную...

– Да чего уж там – шикарная у нее фигура, – отметил он не в первый уже раз, – особенно вот сейчас, подчеркнутая светом из окон. Лицо, конечно, видно не так отчетливо в полутени, но и так оно мне хорошо знакомо. Сколько раз сидели за этим столом напротив друг друга, по правую, да левую

сторону от отца. А больше на таких вот обедах... нет – никого и не припомню. Чего же она теперь вот так... дистанцируется? Боится? Ну-ну...

Сам боярич остановился на мгновение, склонил голову, и поздоровался по французски, с неповторимым акцентом, рожденным смешением рас и народов в Иностранном легионе. В котором, как оказалось, боярич Шубин, несмотря на свои неполные шестнадцать лет, прослужил полные пять лет. И даже гражданство французское получил. Но оставаться в стране лягушатников не пожелал; вернулся к родным березкам, да осинкам.

– Точнее – березам, да соснам, – поправил он себя без всякого изумления, – поскольку основными лесообразующими породами во владимирской губернии составляют сосна, да береза. Даже процентное соотношение знаю. Но сейчас не об этом. Сейчас пожрать бы чего поскорее. Как это там будет по-французски?

Нисколько не сомневаясь в праве занимать «коронное» место за столом, Николай отодвинул стул, уселся за него, пожелал Анфисе (тоже по французски) приятного аппетита, и набросился на еду – то, что уже стояло перед ним на столе. А стояли пока только холодные закуски. Как-то – нарезанная тонкими пластами свинина; грибы с лучком, политые духмяным маслом; копченая белорыбица, уже лишенная шкуры и костей, и нарезанная куда толще... И много чего еще такого, что просто нанизывай на вилку, да кидай в рот. Разве что

хлеб – явно только недавно из печи – Николай брал руками, да откусывал внушительными кусками. Ел, можно сказать, жадно, но аккуратно.

Анфиса же, чуть помедлив, уселась, только когда ей на помощь поспешила холопка. Еще чуть отодвинула стул, а потом и придвинула, как даме было удобно. Прислужнице, кстати, звали Марфой, и Николай когда-то был с ней знаком... более, чем близко. Показалось, или нет парню, но женщина в полудюжине метров от него смотрела на него теперь не только с любопытством, но и с немалой долей осуждения. Лицо ее было по прежнему в тени, и боярич подумал было встать, да испробовать свой дар еще раз – на шарах-светильниках, что были расположены попарно на противоположных длинных стенах столовой.

Но тут как раз принесли первое горячее блюдо – уху, в которой янтарный бульон был насыщен до такой степени, что им одним, вприкуску с хлебом, можно было насытиться до отвала. Но это обычному человеку. Парню же, после баньки, да пережитых треволнений, да с потраченной на светильники энергией, что для неофита, скорее всего, было немалым достижением... Тут Николай зачерпнул ложкой кусок рыбицы – тоже лишенной костей – и понял, что в ухе, оказывается, бульон не самое главное и вкусное...

На второе было... тот самый бараний бок, о котором не раз читал в книжках; да с картошечной, посыпанной зеленью... В общем, на время парень отключился от всего.

Особенно от тяжких мыслях о грядущем. Которые, впрочем, тут же вернулись, как только опустевшее блюдо ловко выдержала из-под его рук еще одна «близкая знакомица» – Наталья. Она же и спросила, с медом в голосе:

– Анна Васильевна спрашивает – что подавать к десерту? И что пить будете? Чаю? Или отвару?

Спросила у боярича; на Анфису даже не смотрела.

А вот парень на женщину как раз и посмотрел. И заговорил – впервые после того, как подцепил на вилку первый кусок буженины:

– Я бы чай на балконе попил; на свежем воздухе. Там как раз сейчас солнышко пригрело. Не возражаете?...

По имени женщину старше него на десяток лет парень называть не стал; отчество же Никаноровна, как сейчас подумалось Шубину, никак не могло подходить ей. Почему? Ну вот решил так, и все. Говорил он по-прежнему на французском. На нем же Анфиса и ответила; естественно с безукоризненным парижским говором:

– Почему бы и нет, Николай Ильич. Там и поговорить можно будет. Если вы не возражаете, конечно.

Боярич не возражал, и скоро они сидели тоже вот так, напротив друг друга, только гораздо ближе. Столик на балконе, куда пришлось идти через круговую анфиладу мимо четырех дверей, был небольшим. Как раз, чтобы на нем мог разместиться самовар, два заварочных чайника, да все, что полагалось к чаепитию. Холопок боярич отослал. Сказал, что

не маленький – сам разлить чай сумеет. Почему два заварочных чайника? Да потому что вкусы двух особ, приближенных к боярину Шубину, были давно известны. И сейчас в чашке тонкого фарфора, который своими изящными, но крепкими пальцами держала Анфиса Никаноровна, в настоящее, гораздо больше было душистых трав, чем собственно зеленого чая. Боярич же предпочитал и кружку побольше, и напиток покрепче. В смысле – круто заваренный черный чай с тонким оттенком трав.

– Итак, – начал Николай уже по-русски, наполнив обе чашки, – вы что-то мне хотели сказать, Анфиса... Никаноровна?

Почему-то последнее парень произнес с вопросительными интонациями. И, как оказалось, не зря.

– Если вам интересно, Николай Ильич, – мягко, и как-то грустно улыбнулась женщина, – то Анхель Николас фон Штамберг. Баронесса... в прошлом.

– Разве баронессы бывают... «в прошлом»? – чуть удивился Шубин.

– В моем случае – да, – улыбка на губах Анфисы исчезла, а грусти стало гораздо больше, – Баварское королевство... которого больше нет. Всю аристократию в нем уничтожили, а кто каким-то образом уцелел, объявлен вне закона. Во всех странах, где закон вообще существует. По крайней мере, в Священной Римской империи, и Великом русском княжестве. Которые королевство и уничтожили. Впрочем,

об этом вы наверное могли узнать на уроках новейшей истории в школе.

– Ну, как-то так, – кивнул боярич, никогда не отличавшийся прилежанием в обучении.

– Ну, или батюшка ваш мог рассказывать?

На это боярич отвечать не стал. Как-то стыдно было сейчас говорить о том, что последние лет шесть – как раз после возвращения боярина из германского похода – воспитанием Николая занимался в основном дядька Михаил. Но Анфиса, или баронесса фон Штамберг, что-то почувствовала, или поняла по изменившемуся выражению лица. Потому поспешила продолжить, раскрывая тайны, как оказалось, почти семейные.

– Так вот, – говорила она все с той же грустинкой в голосе, – мне повезло, что Мюнхен, а вместе с тем и университет, в котором я обучалась, штурмом взяла именно русская дружина. И что я попала в качестве пленной в руки вашего батюшки.

– И что – он никому не стал говорить о том, что сидящая сейчас напротив меня женщина урожденная баварская баронесса? Господи, да какая же она немка? Она же...

Как-то Николай привык уже соотносить свои впечатления от старых-новых лиц, окружавших теперь его, с лицами, чем-то запавшими в памяти и Виктора Николаевича Добродеева, и еще пары, а может и больше того личностей. Больше всего из кинофильмов, куда актеров подбирали как раз с харак-

терными такими физиономиями.

– Немка? – усмехнулся сейчас он внутри себя, – да какая же она немка?! Казачка донская – вот это в точку.

Фамилии актрисы, сыгравшую главную героиню в «Тихом доне» он сейчас не помнил (хотя, если покопаться в общей памяти...), но вот сейчас словно именно она сидела напротив него. Здесь, на освещенном апрельским солнцем балконе, это было особенно заметно. Как и живой, задорный характер, который бывшей баронессе приходилось всеми силами сдерживать. Потому что положение ее в замке боярина Шубина и прежде было... непонятно каким, теперь же и хуже того...

– Получается, – продолжила баронесса, поняв, что парень напротив нее сделал какие-то выводы, – что у нас с вами, Николай Ильич, общие проблемы. И что залогом моего выживания... да что там говорить – вообще существования! – есть благоденствие ваше как главы боярского рода. К слову, когда русские дружины ушли из Баварии, и передали земли власти Рима, там случилась резня, какой давно уже не было. Так что идти мне, если погоните вы..., или кто-то другой из этого замка, будет просто некуда. Это ваш батюшка, человек мудрый и отчаянно смелый, приютил у себя несчастную девушку, которая просто не имеет право на существование. Правда, теперь я Анфиса Никаноровна Поспелова, помещная дворянка Малороссийского княжества, единственная дочь его товарища, погибшего в походе. Связанная с бо-

ярином Шубиным Ильей Николаевичем десятилетним договором, зафиксированным надлежащим образом у мастера Разума.

Вопросов у боярича была тьма, и с каждым словом бывшей баронессы все больше и больше. Первый же звучал так:

– А сами вы..., Анфиса Никаноровна, Одаренная?

Согласно неписаным правилам, вопрос был совсем не этичным, о чем женщина вербально сообщила поджавшимися губами и опустившимися их кончиками. Но ответила:

– Да, Николай Ильич. Может, потому, ваш батюшка и... пригрел меня в этом замке... несмотря на известные... сложности.

– Я бы и сам такую красоту «пригрел» бы, – чуть усмехнулся про себя парень.

На что баронесса на долю секунды опять плотно поджала губы. Но продолжила вполне спокойным голосом:

– Мне подвластна магия Разума. Так в Европе Силу Одаренных называют, – парень кивнул; что такое магия, он представлял себе очень хорошо; из книг, конечно – начиная с «Властелина колец» Толкиена, – невеликая, всего второго ранга. К тому же в университете я изучала историю. Конкретно историю магии. Потому, наверное, и стала интересной для боярина.

– Почему же? – попросил конкретики Николай.

– Батюшка ваш, Илья Николаевич, искал пути восстановления Силы Одаренного. Говорил ли он вам, что в герман-

ском походе ему, как сильному Одаренному Земли противостояли такие же, а может, и более грозные противники? Маги. И что-то в душе, или самой сути Одаренного боярина повредилось. Не сразу. И незаметно для окружающих. Но сам боярин почувствовал... Нет, как стало известно мне впоследствии, он точно знал, что Дар его стал гаснуть. Ну, и потом, в битве у Перешейка... точнее, после нее, когда усилиями Ильи Николаевича и был образован новый Канал, отделивший крымские земли от Дикого поля, разрушения эти стали стремительными. Которые, скорее всего, и привели к его кончине.

– А вы, стало быть...

– А я помогала Илье Николаевичу в его изысканиях, – невежливо перебила боярича женщина, – и здесь, в родовой библиотеке, и в разъездах, на которые, как я понимаю, он тратил большую часть доходов от земель.

– Это ведь не все? – спросил Николай, – я имею в виду договор десятилетний?

– Конечно, – пожала плечами бывшая баронесса, – за прилежание в работе боярин договором обещал через десять лет «пристроить» меня, с приданым в две тысячи золотых. Если я, конечно, захотела бы уйти. И пять тысяч, если бы мы нашли то самое средство, или ритуал, которые искали.

Боярич не стал спрашивать – захотела бы уйти Анфиса при любом раскладе через оставшиеся четыре года. Вопрос он задал другой:

– Но хоть каких-то результатов вам достичь удалось?

– Много интересного довелось увидеть, услышать, и привезти сюда, боярич, – кивнула Анфиса, – но...

– Я почему спрашиваю, – помахал рукой парень, – откровенность на откровенность. Дело в том, что я сегодня... ну, или в тот день, когда батюшку хоронили, что называется, прорвался. То есть, Одаренным стал. Или магом – если по вашему.

И в качестве доказательства поднял кверху правую руку с поджатыми, кроме указательного, пальцами, и подал в последний малую толику силы. Малую, но достаточную, чтобы на кончике перста зажегся пучок «бенгальских огней». Бросил, конечно, предварительно взгляд наружу, за пределы балкона – не подглядывает ли кто. Но нет, в пределах видимости, а последняя была шикарная – панорама деревенской идиллии субботнего дня, когда на полях не было ни единицы рабочей силы – никого не было.

А женщина напротив поднесла ко рту руки, из-под которых послышалось негромкое «Ах!». Чего было больше в этом возгласе – неверия? изумления? надежды? Наверное всего вместе. Ответа же боярич потребовал немедленно.

– Видите ли, Николай Ильич, – ответила Анфиса больше небольшой паузы, уже не высказывая в голосе никакого волнения, – случай ваш исключительный. Не скажу, что такого не было, но... Мне такие встречались и во время учебы в университете, и в наших поездках с боярином. Пробле-

ма же магов, или Одаренных, чей Дар проснулся в столь... скажем так, отнюдь не в младенческом возрасте, заключается в том, что развитию такой Дар практически не поддается. То есть, каким вас Господь бог одарил, таким и останется.

– В чем же причина, Анфиса Никаноровна, – не сумел сдержать вздоха боярич, – известно ли это современной науке? Или все ограничивается объяснением церковных служителей?

– Есть общепризнанное мнение, – осторожно, словно выбирая слова, – начала объяснять баронесса, – что Дар у Одаренного, даже «проснувшегося» столь поздно, присутствовал изначально. И выявленный в юном возрасте – чем раньше, тем лучше – обладает гибкой структурой. Которая со временем, без должного влияния извне и изнутри, так сказать, костенеет. И что со временем даже интенсивные тренировки Дара не то что не помогают – могут вообще повредить его. Что может привести Одаренного даже к гибели. В любом случае, Дара своего такой маг лишится. Тому есть множество примеров.

Не сказать, что Николай застыл от ужаса. Хотя внешне, быть может, это именно так и выглядело. На самом же деле он произвольно, продолжая слушать Анфису, скользнул сознанием внутрь себя, к клубку, или источнику Силы. Картина там ничем не изменилась. Разве что искорки вели себя чуть возбужденней, срываясь из общего облачка по каналам. Но это было понятно – последние слова Анфисы настроения

парню не добавили. Но и не сказать, что так уж сильно задело его.

– Хоть какой-то Дар есть, – успокоил себя боярич, – да и без него прожили вот уже сколько лет... на четверых... а может быть, и больше. Прорвемся.

Куда именно собирался прорваться Николаич, сообщить самому себе он не успел. Раньше задал вопрос баронессе:

– Скажите, Анфиса Никаноровна, стоит ли... попридерживать эту новость... ну, о пробуждении Дара?

– Нет конечно, – решительно отмела, в том числе рукой по воздуху, баронесса, – донесут вперед вас самих, будет только хуже. А может, что-то уже и знают. Так что в первый же день в школе, надо довести это до кого следует. А вот какого уровня ваша Сила будет... Видите ли, Николай Ильич, в мире не принято хвалиться уровнем Дара. По крайней мере, до тех пор, пока Одаренный не займет определенного места в обществе. С другой стороны, многие напротив, хвалятся своей Силой. Но это ведь не ваш вариант? Не сможете вы сейчас достать молнией вон... хотя бы до купола храма?

Она показала на блиставший над синим куполом золоченый крест, до которого от балкона было никак не меньше четырех сотен метров.

– Я и до ворот-то не достану, – усмехнулся Николай, – да и вообще, молнии мне не под силу. Пока.

Последнее он сказал только себе самому. Потому что

в утверждения Анфисы о неспособности великовозрастных юнитов к развитию почему-то не поверил. Может, в силу материалистического воспитания (в основном), которое утверждало, что «все в мире течет, все развивается». Или изменяется. Не суть важно.

– Да и не стал бы я молниями в храм разбрасываться. Люди не поймут. Вам же, Анфиса Никаноровна, могу пообещать. Если земли, и замок останется за мной, за родом бояр Шубиных, то договор ваш с бабушкой я исполню, как и было им исполнено. Потому жду от вас помощи.

– Какой же, Николай Ильич?

– Ну, во первых, мне нужно знать побольше про Одаренных, про магию. Особенно родовую. В школе, как я убедился уже давно, знаний много не дают. Предполагаю, что на уроках, что проводят исключительно для Одаренных, та же самая история наблюдается. И учат их самому нужному и сокровенному дома, в родах. Договорились?

– А что во-вторых? – улыбнулась баронесса.

– А во вторых, уважаемая, надо мне отыскать в законах Великого русского княжества такой, что оградил бы меня от опекунов. До совершеннолетия, конечно. Тогда и разговор с вами продолжим, Анфиса Никаноровна. Согласны?

– Куда я денусь, Николай Ильич? – вздохнула женщина.

– С подводной лодки, – улыбнулся Николай; но этого Анфиса, конечно, не услышала.

Глава 6

В коридоре Николая ждали дядька Михаил с управляющим, Арсентием Палычем. Последний разве что не приплясывал от нетерпения. Боярич глянул на дядьку: «Чего это он?». Тот только пожал плечами. Ну, и лицо сделал чуть виноватым. На что боярич выудил еще одно воспоминание из фильма: «Не виноватая я, он сам пришел!». В смысле, сам узнал.

– Ты что-то хотел, Арсентий Палыч? – спросил парень, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Ну, так говорят, что Дар теперь у вас есть, Николай Ильич, – уставился мужчина снизу вверх в лицо парня с нескрываемым нетерпением.

Кто именно доложил управляющему эту новость, боярич выпытывать не стал. Скорее всего, тот парнишка, что прислуживал в бане.

– Есть такое дело, – кивнул он, поворачивая к выходу с этажа, и вообще из донжона, – но в чем срочность? Вы, Арсентий Палыч, аж побледнели.

– Ну как же! – всплеснул руками мужчина, семенящий чуть позади боярича, – земля-то не ждет. И наша, и у свободных, и у соседей, с кем ряды установлены. А неисполнение их, сами знаете... Оно, конечно, Одаренного и со стороны нанять можно. Но тут ваша воля и слово нужны. Да и при-

были тогда никакой не видать. Как бы в убытки не влезть.

Боярич не знал, но предполагал, что дело там пахнет солидными штрафами. Хотя сам он почему-то не считал транспортное средство, он же «трактор», таким уж воплощением прогресса. Может потому, что перед глазами вдруг предстали очередные кадры – со сборочных конвейеров тракторных и автомобильных заводов; с полей, на которых уступами, непреклонно движутся комбайны, и вереницей по разбитым проселкам переваливаются на ухабах грузовики, полные зерна. Но управляющему он сказал, конечно же, совсем другое:

– Понимаю вашу заботу, Арсентий Палыч. Потому сейчас прямо к мастерским и идем. Посмотрим, как там дело обстоит. Но только по этому вопросу. Со всем остальным позже, ближе к вечеру. В кабинете батюшкином и доложите, как у нас дела обстоят. Договорились?

Управляющий аж сбился на шаг позади него. Может, что-то и хотел сказать, но подавился словом. И неудивительно – боярин Морозов так с холопом, даже и такого высокого по местным рамкам ранга, говорить бы не стал. Приказал бы и все. Так что в двери, которые скользнувший вперед дядька открыл перед бояричем, под яркие, но еще не жаркие лучи солнца процессия вышла гуськом. Впереди боярский сын, за ним дядька Михаил, и последним Арсентий Палыч, едва успевший выскользнуть в проем. Ему старый казак дверь с тугой пружиной придерживать не стал. Во дворе измене-

ний никаких не было. Разве что на ступенях никого не было. А пара холопов, находившихся на каменной площадке перед центральным зданием замка, тут же приняла деловой вид, и исчезла в каких-то помещениях, что скрывала в себе замковая стена. По правую от боярича руку. Он же, вместе со спутниками, повернул налево, где на всю половину стены, то есть метров сорок, не меньше, скрывалась за искусственным камнем механическая мастерская. Ну, и гараж одновременно. На последнее указывали ворота, в какие вполне мог проехать «Камаз» или, к примеру, «Кировец».

Транспортное средство, рожденное «гением» привезенного из германский земель холопа, было гораздо меньших размеров. Это Николай точно помнил. Потому что ему, как сыну хозяина окрестных земель, и этого самого «трактора» позволялось иногда посидеть рядом с «трактористом». Нужно признать, что к игрушке этой, дававшей, впрочем, неплохой доход, боярич быстро охладел. Ну, не было у него тяги ни к технике, ни в общем к сельскому хозяйству. Иное дело один из «четверки мушкетеров», сынишка того самого гения, Курт. Вот этот любую свободную минуту – которая появлялась после тренировок с бояричем и его же проказ – проводил именно здесь, с отцом.

Он сейчас и открыл дверь, отстоящую от ворот метра на два. Тоже железную, и снабженную внушительным замком. Сейчас этого замка на дужках не было, и створка, несмотря на внушительную толщину и вес, легко проверну-

лась, открывая полумрак механической мастерской. Тут тоже были окошки – но уже горизонтально ориентированные и под самым потолком. Который в высоту достигал метров шести.

– То есть, – прикинул Николай, – двух внутренних этажей стены; иди половины ее высоты. Солидно. А чем это наш гениальный механик занимается?

Прежде, чем подойти к тому уголку в дальней части помещения, где сидел спиной к вошедшим герр Генрих Шварц, он же Егор Шварцев, боярич поднял голову, попытавшись найти и здесь волшебные шары. Потому что понимал, что освещенности в этом здании ну никак не хватает для работы.

– Если только ворота, да двери открыть. А зимой? – задал он себе вопрос, – ага – от они, родимые.

На противоположной, глухой стороне огромного помещения действительно обнаружались искомые светильники. Конечно, без привычной уже парню бронзовой, или позолоченной мишуры, но вполне себе функциональные.

– Наверное, – поправил себя боярич, – иначе зачем бы они тут висели. Да и помнится, что одна – вон за тем столом, где сейчас сидит дядя Генрих – точно горела. Спать он, что ли?

Он поводил взглядом по сторонам; увидел у двери какую-то трубу – метров двух длиной. Прежний Николай схватил бы ее, наверное, только для того, чтобы размахнувшись, со всей одури вдарить по железной воротине. Единственно, чтобы со злорадством поглядеть, как вскочит со своего ме-

ста пожилой механик. Но теперь в теле боярича был другой человек.

– Или несколько человек, – механически поправил себя Николай, – и прут этот, нужен мне совсем для другого.

Действительно – предполагаемая труба, где-то на полдюйма, оказалась чем-то вроде ломика. Только без заостренного и сплющенного концов. Но для боярича, для его эксперимента, вполне подходила.

– Только бы не разбить, – успел он подумать, касаясь тяжелой железякой стекла, или иного материала, из которого был изготовлен светильник.

Выдохнув излишки воздуха из груди, он даже напрягся – словно готов был чисто физически вытолкнуть из себя толику искр. На деле же напряжение нужно было совсем иное, не до конца понятное Одаренным, но вполне работающее. Подчиняясь команде новоявленного мага, искры, скопившиеся вокруг ядра в его груди, приняли то самое упорядоченное движение, о котором говорилось в учебнике по физике.

– Кажется, за шестой класс, – не стал углубляться в кладовые памяти парень, – но это не важно. А важно, что я действительно вижу, как искры эти добираются до ладоней, и исчезают в железяке. Наверное... Ну, точно в ней – иначе, отчего бы светильнику так ярко не засиять?

Этот светильник был крупнее тех, что остались светящимися в бане раза в два. Ну, и искр, или Силы в них боярич влил соответственно. Приход-расход пока отмерять он

не умел; сориентировался по времени. А именно – секунд десять, и эта часть гаража была освещена не хуже, чем...

– Майн гот! – воскликнул кто-то за спиной, – неужто этот мальчишка...

Николай резко развернулся, и Генрих, который оказался за эти секунды рядом, растерянно, и даже испуганно замолчал. Боярич Шубин германских языков, ни одного, не изучал; как и Виктор Николаевич Добродеев. Ну, за исключением общеизвестных фраз из тех же фильмов и анекдотов. Но сейчас понял механика хорошо.

– Мальчишка?! – повторил он, покатав желваками на скулах.

Так, что видно было – пожилой холоп готов был под этим взглядом рухнуть на колени. Как и сын его рядом, на которого перевел взгляд боярич... нет – боярин настоящий, из рода Шубиных. А за ним и управляющий склонился в поклоне. А казак рядом с ним лишь склонил голову, но выглядел озадаченным; и, кажется, в чем-то обрадованным.

– Простите, господин, – проговорил с отчетливым акцентом Шварц-старший, – от волнения я это. И от осознания того, что дело отца вашего, боярина Шубина, не будет загублено. Еще раз прошу простить великодушно. Более не повторится.

Николай взял паузу, а потом кивнул:

– Хорошо. Забудем. А теперь расскажи, о каком таком деле отца моего ты сейчас говорил?

Он опять повернулся к светильнику, одиноко светящему на стене; переходить к следующему, и повторить опыт, как хотелось недавно, передумал. Ко времени вспомнил, что говорила Анфиса – не показывать всех своих возможностей. И хотя во всех стоящих здесь он был уверен... ну, почти на сто процентов... но кто-то же ведь управляющему о его одаренности донес?

Взгляд его опустился вниз – на темнеющую прежде грудку металла. Которая под светом оказалась самым обычным токарным станком.

– Ха! – хмыкнул он про себя, – самым обычным. Вот здесь, в центре России, явно забывшей перескочить из средневековья в просвещенный век? Понятное дело, что этот станок, и все остальные (тут он посмотрел вправо, и влево, отметив и сверлильный, и плоскошлифовальный, и...) трофеи с германской войны. Однако откуда сам Николай знает о предназначении каждого? И не просто знает, а прямо сейчас готов подступить к токарному, установить куда надо металлическую заготовку, и изготовить... Да хоть что изготовить, что подвластно мастерству токаря-фрезеровщика шестого разряда. Лишь бы резцы подходящие были, да чертежи точные.

– Так что там, про дело отцово?

– Прошу, господин, – опять склонился в поклоне механик, – там все, что мы обсуждали с Его Сиятельством, господином боярином.

– Ну, пошли, посмотрим, – разрешающе кивнул Николай, забросив ломик на плечо.

Как оказалось, не зря. В том углу, где механик, оказавшийся еще и инженером-конструктором, организовал для себя рабочее место, было тоже темновато. И свет единственной лампы туда не доставал. Зато здесь, прямо над столом, или верстаком, была другая; пониже. Настолько, что боярич, привстав на кончиках пальцев ног, сумел бы достать до нее. Наверное. Потому что проверять этого он не стал, решил еще раз проверить свои способности. Так сказать, дистанционно. И светильник над столом послушно загорелся. Осветил то, на что герр Шварц смотрел с гордостью.

А боярич про себя присвистнул:

– Это что за смесь бульдога с носорогом? Или ежа с ужом? Неужто батя решил с трактора на автомобиль пересесть?

В общем, на первом, и самом большом чертеже, почти картине, была изображена карета, или тарантас, или... В общем, экипаж, у которого передняя часть никак не совмещалась с живыми движителями. То есть, не было козел, или облучка; дышла, и многого еще чего, перед чем даже обновленная память Николая спасовала. Зато было что-то вроде выносной остекленной будочки, которая, очевидно, представляла собой кабину транспортного средства.

– Ну, и что это за угре... в смысле – что вы с батей хотели изваять?

– Боярин Илья Николаевич в последнее время много

путешествовал, – начал Генрих Шварц издалека; кстати – на немецком, на котором у было удобней изъясняться; бо-
ярнич не возражал, – здоровье его, увы, не совсем способ-
ствовало этому. А в планах его были поездки в совсем ди-
кие места, где дневные перегоны могут быть куда как коро-
че, чем расстояние от одного села, или городка до другого.
А на этом вот...

Механик ловко выдернул из стопки листов – плотных, размером в половину ватманского – другой чертеж; уже с размерами. Пусть и не в том формате, к каким привык ра-
ботать... ну, скажем, токарь шестого разряда, но было вполне понятно. Да хотя бы исходя из размеров походной кровати, которая занимала куда как меньше половины этого ми-
нивагона.

– Ну настоящий автодом, – восхитился было Николай, и тут же был перебит немцем:

– Вот тут все показано. И спальни две, и удобства все. В общем, господин, вместе с охраной из пяти человек, и механиком можно было бы вполне комфортно передвигаться. Да хоть и до самого Великого океана.

– Да неуж-то, – фыркнул негромко Николай.

Кое какие знания из географии и истории завоеваний российских княжеств все же закрепились в памяти. И сейчас по короткому размышлению, он был вынужден признать – в словах немца смысла было достаточно. Потому что в этой России хотя бы часть из двух извечных бед русских была из-

жита. Силами и умениями Одаренных стихии Земли были построены магистральные дороги – куда там автобанам! Хотя бы по той причине, что прочность их была проверена уже веками. Ни Ермака, ни Хабарова в этом мире не случилось. Может, люди эти и родились на просторах Руси, но раньше от западных границ на восток протянулась широкая... как определил сейчас Николай, шестиполосная дорога очень даже высокого качества. И разведка, да освоение Сибири шло как раз по мере строительства этого трасса.

– Промахнулись, конечно, немного, – еще раз ухмыльнулся боярич, представив мысленно карту Великого русско-го княжества, – километров на четыреста от Владивостока. Но и туда дорога была проведена – больно уж бухта удобная. Но не об этом сейчас речь. И насколько продвинулись труды ваши, Егор Николаевич?

Шубин спросил теперь по русски, и немец, чуть запинаясь, ответил:

– Вот, чертежи в основном готовы, господин Николай Ильич. Да материал в основном потребный собран. С запасом.

– Показывай!

Пришлось всей кампанией, ведомой теперь механиком, идти в другой конец помещения; мимо сиротливо приткнувшегося к воротам «трактора», к целым «залежам» настоящих сокровищ. Это та часть боярича, что за станки токарные и иные отвечала так определила. Ну, и вояка в душе шевель-

нулся. Боярич вдруг представил себе, как из сложенных стопой толстых металлических листов, да прислоненных к дальней стене не менее прочных на вид стеклянных вырастает, к примеру, БРДМ, или та же бээмпэшка... что бы это не значило.

– Вот, – с гордостью заявил Генрих, останавливаясь перед этими заготовками, и еще кучей других железяк, явно еще не побывавших в деле, – все высшего качества; обработано Одаренным четвертого уровня...

– Seriously, – признал Николай, – интересно – кумулятивный снаряд такую броню возьмет? Или тут другими категориями судят, магическими?

– Николай Ильич, батюшка! – буквально простонал управляющий.

Боярича впервые назвали так; потому он, наверное, нехотя свернул тему, и повернулся к «трактору»:

– Давай, Егор Николаевич, показывай.

Механик был одет не как обычный тракторист. Разве что такой, что выводит свою технику на парадный прогон. В костюме, башмаках... на столе с чертежами у него даже котелок головной имелся. Но сейчас, как он понял, времени на переодевание не было. У боярича. Потому немец засуетился, объясняя вполголоса, опять по-немецки – то ли хозяину, то ли самому себе:

– Сейчас-сейчас... потом переоденусь. Сейчас главное, чтобы он заработал. Курт – ворота!

Паренек, самый спокойный и неконфликтный из партнеров Николая по детским проказам, бросился вперед, открывая настежь ворота, которые тоже были смазаны и отрегулированы так, что отворились без малейшего скрипа. И, как понял боярич, с легкостью невероятной. Хотя толщиной были куда как весомей, чем те же листы для будущего экипажа.

У трактора – Шубин решил изъять ироничные кавычки у этого механизма – оказался самый настоящий капот. Который открывался набок, как у сундука. Впрочем, крышка так и на обычном деревенском сундуке смотрелась бы родной. Только покрасить соответственно, да узорочьем жестяным оббить. Главным же под этой крышкой был большой камень. Кристалл, количество граней сосчитать вот так, с разбега, было невозможно. Был он размером со страусиное яйцо, а цветом точь-в-точь, как светильники в разряженном состоянии. То есть, молочно белым.

Коля Шубин достал до него прямо с пола, который в этом гараже-мастерской, как и почти повсюду в замке, был каменным. Опасливо покосившись на откинутую крышку, которую придерживал пруток достаточно хлипкого диаметра, он коснулся ладонью кристалла, и отдал уже привычную команду. Себе, а значит искрам вокруг Источника в груди.

Тут, уже имея какой-никакой опыт, он уже не стеснялся. Поток, заканчивающийся в кожном покрове, был куда интенсивней прежних. И все равно, менять свой цвет кристалл начал не сразу; как бы нехотя. Но тут Николай и до начала

работы таким вот заправщиком догадался, что емкость этого камня куда как выше, чем у светильников. При желании даже мог вспомнить несколько формул, сравнить мощность стоваттной лампы и стосильного двигателя. Но не стал этого делать. Не по причине лени, которой прежний Шубин отличался в отношении вообще всяких формул и чисел. Нет – понял, что тут и сейчас работали совсем другие законы.

– Хотя и от обычных отказываться нельзя, – решил он, – может, в этом и будет моя фишка, по сравнению с Одаренными высоких уровней. Техномагия, черт бы ее побрал!

Между тем, кристалл все же начал менять цвет. Принял сначала нежно розовый оттенок, потом все сильнее и сильнее краснел. Пока Шварц, покосившись на хозяина, с виноватой улыбкой скомандовал:

– Хватит, господин. Этого на целый день работы хватит.

И опять Николай удержался, чтобы тут же не начать высчитывать, сколько же он сейчас магической «солярки» влил в этот «топливный бак».

А механик, дождавшись, когда Николай отойдет от механизма, аккуратно опустил крышку, и незаметно (как он думал, наверное) перекрестившись, почти запрыгнул в кабину. Тоже остекленную, кстати.

– Ну, и правильно, – кивнул боярич, – представляю, сколько пыли поднимется, если пахать сухую землю. Ну, это я так просто предположил. Не знаю я ничего сельскохозяйственного, верно?

Память молчала. Ну, и ладно. А трактор... нет, не взревел двигателем – клацнул какими-то железками внутри, и тронулся с места, чуть гремя железными колесами. Разреши сейчас боярич; да даже улыбнись шире обычного, и закричали бы «Ура», и чепчики бы вверх...

– Нет, это из другой оперы, – опомнился боярич, – но что-то сказать нужно.

Прежде сказал; скорее выплеснул крик души управляющий:

– Позволь, Николай Ильич, я с Генрихом сейчас. Определию с чего начинать, да и назад сразу же. Да тут недалеко сегодня, а вот завтра... Нет – завтра воскресенье, грех. Значит, в понедельник...

Ну и лицо Курта рядом буквально изнывало от нетерпения. Боярич же махнул рукой – отпускаю. Всех. Кроме дядьки, конечно. Лицо которого было каким-то... задумчивым. Или недоверчивым. Но говорить ничего он не стал. Дождался, когда все выйдут из гаража, Курт закроет ворота, а потом и дверь, и трактор, шлепая железными плицами, скроется за другими воротами – уже замковыми. А вместе с ним и тракторист с сыном и управляющим поместья, которые как-то уместились в кабинке. И только тогда дядька похвалил:

– Силен, Николай Ильич! Как бы с батькой не сравнялся Силою – вот так, сразу.

– Нет, дядька Миша, – вздохнул парень, – тут ты не прав.

Сильно не прав. Я так даже обычной молнии выпустить из руки не могу. А тут...

Пересказывать казаку разговор с Анфисой он не стал. Точнее часть его, касающийся особенностей магического развития. Тайн – ни своих, ни бывшей баварской баронессы – раскрывать он не собирался. Даже такому близкому человеку, как наставник. Но кое какие мысли, рожденные вопросами дядьки, все же себе задал. А потом и эксперимент очередной решил провести – раз свободное время задалось.

– А не сходить ли нам в баньку? – спросил он дядьку уже на ходу.

– Опять? – явно изумился тот.

– Да не мыться, – засмеялся парень, – так-то я еще пропотеть не успел. Но штуку одну посмотреть интересно.

«Штука» – светильник в раздевалке – продолжал исправно светить, хотя и гораздо тусклее, чем прежде. Вот это и хотел увидеть парень; в первую очередь. Второй же момент мог прояснить и не спускаясь в подвал – в любом ближайшем помещении, где были светильники. Но там еще нужно было «поделиться» электрической энергией, которая самим Одаренным воспринималась как поток мельчайших искорок. Здесь же он приложил ладонь к прохладному шару, и «приказал», или потянул в себя искры обратно. Почему-то представив себе самые обычные спагетти, которые он всасывает...

– Или лагман уйгурский, – вспомнилось вдруг, – как в Аф-

гане...

Поначалу энергия внутри светильника сопротивлялась. Николай представил теперь, как она бьется, не в силах пробиться сразу сквозь две преграды – наружную оболочку шара, и человеческую кожу. Но воля юного Одаренного оказалась сильнее. Энергию словно прорвало бурным потоком; а светильник погас окончательно буквально за пару секунд. Николай даже выдохнул, отдуваясь – словно взял на грудь непосильный груз. Хотя совсем недавно оперировал несоизмеримо большим количеством энергии. И еще одно сравнение пришло на ум. Как-то образно стал мыслить юный бо-ярич в последний день.

– Словно прежде футбольный мяч надувал ртом... через ниппель. А сейчас, только что, обратно воздух в себя всосал. И тоже через тот же ниппель. А так можно было? Нужно узнать... потихоньку. Может, я новый закон сейчас открыл. Не хотелось бы, чтобы меня по такому случаю золотом с ног до головы обсыпали. В виде клетки из золотых прутьев. На фиг такая жизнь прекрасная нужна?

Глава 7

Остаток дня прошел достаточно спокойно. Несмотря на обещание дядьки устроить «болящему» выходной день, они с бояричем все же позвенели шашками – в подвале, чтобы народ не смущать. А как иначе – энергия из парня буквально хлестала наружу. Результат? Казак лишь удивленно покачал головой, да сказал задумчиво – словно вспоминал что-то давнее, почти забытое:

– Видел я такое, боярич; еще когда в войске казацком служил. Тоже парнишка вот так прорвался. И вроде Дар у него был не сказать, что совсем уж боевой – Земля, точнее Камень. Но он и с каменной кожей быстрее начал с шашками махать – как вот ты сейчас. Жалко недолго – убили, считай в первом же походе. Не при мне случилось, но говорят – слишком положился на Дар. А ведь давно известно, что на любую силу найдется другая; еще позаковыристей. Так что не забывай, Николай Ильич.

– Не забуду, дядька, – вполне серьезно заявил парень, – и спасибо за науку.

Надо сказать, что как бы не прибавил боярич в скорости, достать учебной шашкой дядьку ему ни разу так и не удалось. Но главное, чем отличалась эта тренировка от многочисленных прежних, о чем не преминул отметить наставник – это то, что занимался Николай в охотку, с полной от-

дачей сил.

– А значит, – добавил он с улыбкой, – результат будет. Обязательно будет.

Боярич же не стал говорить, что в какой-то момент ему жутко захотелось применить в учебном бою и новую свою способность. Но – удержался, и сейчас был этому рад.

Потом два бойца – молодой да старый – обмылись в той же бане, благо она была рядом, да воды горячей хватало. Николай тут все же не удержался. Дождался, когда останется один в зале отдыха, и «поиграл» со светильником. Оказалось, что с таким трудом; можно сказать невероятными душевными усилиями возратить потраченную энергию из светильного прибора, было только в первый раз. Словно тот самый «ниппель» стал теперь двусторонним. За последней такой серией «включаю-отключаю» его и застал дядька. Но даже покачать головой не успел. Раньше парень сам объяснил – небольшую часть истины:

– Вот, думаю, зачем Силе даром пропадать. Лучше я ее с собой заберу.

Вряд ли старый казак разбирался в тонкостях магического искусства. А о том, что он будет рассказывать кому-нибудь о «шалостях» своего воспитанника, не могло быть и речи. Так что дядька лишь кивнул, когда в комнату вернулась привычная полутьма. Да почти темень уже – ведь на улице уже властвовал настоящий апрельский вечер.

Но туда боярич с наставником не пошли. Полюбовались

окрестностями в багровых, от заходящего солнца тонах, с того самого балкона, где состоялся первый разговор с Анфисой Никаноровной. А до второго еще время не пришло, понял Шубин – поскольку давешняя холопка, Наталья, заявила, что к ужину бывшая баронесса не выйдет. Ну, и боярич прямым приказом велел казаку составить ему компанию.

Оказалось, что без самовара на столике вполне хватало места для плотного ужина. А с учетом того, что расторопные девчата еще и носились от кухни и обратно с переменами блюд, так Николай и вовсе объелся. И чей-то пискнувший в душе голосок о вреде обильного питания на ночь общим хором был тут же подавлен.

Дядьку Николай отпустил. Точнее, тот сам отпросился, уточнив, что до утра воспитаннику не потребуется. Да у него самого дел, очевидно, хватало. Кроме обязанностей начальника охраны замка, были ведь еще и домашние дела. Конечно, коров с поросятами, да и огорода семья Дементьевых не держала, но мало ли каких дел могло накопиться за целый день в доме, где кроме самого казака и жены еще четверо детей по лавкам...

У дверей кабинета его ждал управляющий, Арсентий Павлович. Николай больше для приличия спросил, по большей части равнодушный к сельскохозяйственным делам:

– Много ли напахали, Арсентий Палыч?

– Много, ой много! – обрадовался интересу молодого хозяина управляющий, – сами не ожидали, как много. Душа-то

руки к земле приложить требует!

Николай, входя в открытые двери кабинета, чуть заметно фыркнул – представил железные, подобные крабьим загибающиеся «руки» трактора. В кабинете он первым делом «зажег» светильники – сразу три. Два больших, на противостоящих стенах, скупо украшенных картинами, изображающими какие-то батальные сцены. Третий располагался прямо на большом столе; на подставке, что являла собой копию статуи какой-то античной красавицы. Как бы не богини. Внутри парня, кстати, словно кто-то страницами зашелестел – искал, какой именно богине поклонялись древние эллины, и продолжают поклоняться большая часть современных греков. Боярич так же внутри себя отмахнулся, и уселся в отцовское кресло, которое даже ему, юному орысине, было великовато. Батюшку, покойного боярина Илью Николаевича Шубина, царствие ему небесное, юноша перерос еще года два как.

Открывшему было рот управляющему боярич махнул рукой, останавливая. И заговорил сам:

– Ты вот что, Арсентий Павлович. Деньги, что с аренды экипажа получишь, зазря не трать. Все, что положено – на хозяйство, да налоги всякие, откладывай, а остальное все сюда, да наличными. Понятно?

– Как не понять, Николай Ильич, – ответил управляющий, поклонившись в очередной раз.

– Да ты садись, не мельтеши, – разрешил парень, невольно копируя манеры отца в разговоре с холопами, – да... на-

помни о налогах. Много ли платим?

Сказать по правде, такие вот подробности, пусть и значительные, пока мало волновали парня. Его интересовал конечный результат. А именно – количество золотых тяжеленьких кружочков в калите, если придется внезапно срываться из родового гнезда. Последнего он, конечно, не планировал, но...

– Так известно же, – дядька в кресле чуть ли не расплылся в счастливой улыбке, – как боярскому роду – по десятине Великому князю, да Церкви православной. Да и все. Остальное – по воле боярина.

– А остальные как же? – не удержался боярич.

Что-то такое они классом проходили в прошлом году, но как-то материал этот прошел мимо сознания школяра.

– Так остальные дворяне, кроме княжеских людей конечно, еще десятину нашему, Владимирскому князюшке, Столетову Александру Сергеичу в казну несут. Ну и свободный люд... тут, как договорятся. Наши-то, на земле, тоже десятину. А у остальных, говорят, и до половины от оставшегося доходит.

Не помяни черта к ночи, он и не придет. Как-то вот так, кажется, говорили предки. Впрочем, сейчас и здесь, быть может, что-то и похлеще могли выразиться. Вот только упомянул местного губернского властителя Арсентий Палыч, как тут же один из младших холопов – не тот, что в бане течи топил, постарше – постучал в дверь. А после того, как раз-

решили ему войти, выпалил; как бы не с радостью:

– Ваше Сиятельство, Николай Ильич! К вам гонец с письмом от князя Столетова Александра Сергеевича!

Каждое слово; да что там – каждую буковку паренек выговаривал со тщанием; с любовью. Боярич на миг окунулся в волны собственной памяти; вспомнил, как в таких случаях действовал отец. Ничего сложного – разрешить; кивнуть, не вставая, и принять послание через ближайшего холопа, кто при этом присутствует. На данный момент это управляющий. Ну, потом поинтересоваться, не стоит ли дать тут же ответа князю. Да – еще и малой копеечкой отблагодарить посланца. Не взирая на то, хорошую весть принес тот, или дурную.

Вот все эти церемонии парень и провел, обменявшись с гонцом разве что кивком на приветствие, да теми самыми словами насчет ответного послания. Услышав в ответ, что такого не требуется, еще раз кивнул – уже Арсентию Палычу. Дело в том, что у самого боярича на этот момент в карманах было... да ничего там не было! Как переоделся в бане в чистое, так и пришел сюда.

Но у управляющего в мошне по определению не могло быть вакуума. Он действительно извлек откуда-то из-под полы монету, достоинства которой парень не разглядел, и сунул ее в руку мужика, который, очевидно, в княжьих гонцах служил не первый год. Лицо его боярич уже видел, да не раз.

– Ну, раз немедленного ответа не требуется, значит, про-

что позже, – решил боярич, – как бы не интересно не было. А уж как дядька Арсентий любопытством полыхает! Ничего, потерпишь. Не для того сюда зван.

– Давай заканчивать, Арсентий Палыч, – постарался выдать как можно более скучный голос Николай, – основные цифры, проблемы. В подробностях буду разбираться позднее. Да, еще ключи мне от батюшкиного кабинета оставь.

– Как скажете, Николай Ильич, – умудрился поклониться на стуле Арсентий Палыч, – сей момент.

Из краткого отчета следовало, что от весенних полевых работ, от аренды чудо-механизма в казну боярского дома за вычетом налогов причиталось почти пять сотен золотых. О том, что скрыть истинные доходы не получится, боярич даже не заикался. Понял, что с применением магии это просто не получится. А про штрафные санкции, которые могли перерасти в «кары небесные», даже спрашивать не стал. Особенно в той части налогов, что полагались Церкви.

– Так-то лошадкой как-бы не втрое дешевле получилось бы, для людишек-то, да других господских земель, – пояснил вдруг управляющий, – но с нашей помощью урожай куда как обильней, да полезней получается. Бумаги-то на наш механизм самобеглый сам Владыко благословил.

– Это хорошо, – задумчиво протянул боярич, – ты вот что, Арсентий Палыч, деньги все наличными собирай, да сюда носи. И еще... новых договоров, начиная с лета, пока не заключаешь. Понятно ли?

Последнее слово от проговорил с такой твердостью, что управляющему враз расхотелось что-то переспрашивать. А хотелось ведь – вон как физиономия скривилась. Но ничего, переборол себя мужик, да продолжил:

– Всего же, Николай Ильич, за год, считай, две тысячи золотыми набегает. Немного, конечно, для боярского рода, – тут он опасливо поглядел на парня – не углядел ли тот, в свою очередь, обиды в таких словах, и продолжил, успокаиваясь, – но Илье Николаевичу хватало. Это по его же словам говорю. Половину, даже чуть меньше, он мне доверял, на хозяйство. А вторую, по велению батюшки вашего, царствие ему небесное, тоже половинили. Одну часть на счет в дворянском банке, а вторую, как вот вы сейчас приговорили – в кошеле. А уж как их Илья Николаевич расходовал, то не мое дело было.

– Оно и понятно, – усмехнулся боярич, вспомнивший сейчас заготовки в гараже, – вот то богатство как бы не годовую прибыль съело. Ты вот что, дядька Арсентий, – в банк пока прекращай перечислять. Все, что для хозяйства не требуется, сюда. Будем создавать стабилизационный фонд. На случай внезапного драпа.

Последнее, конечно, не вслух. Увидев, как мужик на стуле мнется, кивнул ему – говори. Почему-то Николай решил, что управляющий сейчас не знает, являются ли следующие слова важными для боярича, или совсем не интересными.

– Тут такое дело, Николай Ильич. Прежде боярин мне до-

верял, продать ли излишки из запасов; те, что к весне скопились, и до нового урожая не потребуются.

— И много ли таких?

— Рублей на триста золотом, если поторговаться, — с какой-то гордостью заявил управляющий, — купцы от московской знати хоть завтра, да прямо со складов готовы взять.

— Самовывозом, значит, — усмехнулся Николай, — а и пусть забирают. Тут, судя по рассказу дядьки Михаила, большим войском обзавестись не дадут. Так чего продукция гнить будет.

Покивав — словно размышлял про себя, заявил уже вслух:

— Продавай, Арсентий Палыч. Тоже за наличные. И на будущее. Если понадобится сделку какую провести... ну скажем, до пятидесяти золотых разом, так проводи, не спрашивая. Потом отчет дашь. А уж большее что, со мной согласуй. Все понятно?

Он строго поглядел на управляющего, и тот степенно закивал. Очевидно, что последнее он воспринял как знак особого доверия. Впрочем, юный владелец в работе с управляющим ничем особо не рисковал. Вот это с уроков школьных он как-то хорошо уяснил; представлял себе, что такое холопский договор, заверенный Одаренным Разума. Еще знал, со слов отца, что все холопы в роду давали присягу именно роду. Не боярину Илье Николаевичу лично. А тот же управляющий, так и вовсе пожизненную. Знал человек, на что шел, так и привилегии имел значительные.

– Ключи, – напомнил Николай.

Тяжелая связка в которой было никак не меньше дюжины ключей разных размеров и конфигурации, негромко звякнула о столешницу, и управляющий повернулся, чтобы выйти из кабинета. Но уже у двери он повернулся еще с одним вопросом:

– Куда прикажете стелить на ночь, Николай Ильич? В свою спальню, или...

Николай задумался совсем ненадолго:

– Пока траур сорокадневный не пройдет, буду спать как прежде, у себя. А потом решу. Иди уж, Арсентий Палыч. Стоп! А где сейчас Анфиса Никаноровна?

– Так в библиотеке же...

Управляющий показал рукой на крайнюю правую дверь, плотно прикрытую. Таких в кабинете, кроме входной, было четыре. Абсолютно одинаковых – то ли ради симметрии, то ли помещения за ними скрывались одного размера.

– Спокойной ночи вам, Николай Ильич.

Не дождавшись еще вопросов, и поклонившись, управляющий закрыл за собой дверь, и теперь таких, наглухо захлопнутых стало пять. А бояричу отчего-то стало жутко. Он словно в темнице оказался. Ни единого звука здесь не было. Вот разве что шорох, а потом и хруст разрываемой бумаги конверта с княжеским посланием разорвали гнетущую тишину, и боярич встрепенулся. Еще и прогнал по жилам магическим искры, отчего «жить стало лучше, жить стало веселей». Осо-

бенно с учетом того, что его, боярича Николая Ильича Шубина, вызывал к себе на понедельник князь Владимирский Столетов.

Ну, прямо так в письме не указывалось. Вызывать боярина, или даже сына его князь права не имел. И в изысканных канцелярских словах звучало приглашение. Но – конкретно на день и час, и отказаться, без уважительных причин, Николай на мог. Сейчас же пожалел, что время это не пришлось на школьные часы. Одернул себя, и собрался было пойти уже в библиотеку – проверить, как там дела у Анфисы.

Но прямо перед ним был целый двухтумбовый стол с восемью ящиками. И как было удержаться, и не заглянуть в них. Тем более, что на часах, что висели над входной дверью, с делением циферблата на двадцать четыре часа, но не имели секундной стрелки, часовая еще не дошла до двадцати одного часа вечера.

В основном в ящиках были бумаги; не так много, как хотелось бы. Верхний слева порадовал кошель с золотыми и серебрянными монетами. Пересчитывать Николай не стал, но тут же приватизировал. Тем более, что размерами кошель был не так велик, как хотелось бы, а в его достаточно свободной одежде и вовсе потерялся. Тут же были и банкноты; почти на тысячу рублей. По курсу – примерно знал парень – это выходило не больше ста золотых.

– И то деньги, – ухмыльнулся он.

Подумав, он вынул кошель, уполовинил его примерно,

на глаз, и спрятал опять, уже вместе с половиной бумажных денег. Больше ничего интересного он в столе не обнаружил. Даже те самые разрешительные документы на самобеглый экипаж отсутствовали.

– Значит, они где-то в другом месте.

Поднявшись с кресла, он на мгновение застыл – решал, откуда начать обход. Решил поначалу с библиотеки, и даже шагнул направо. Но потом понял, что может там застрять, и на остальные помещения времени просто не будет. Вот почему-то хотелось осмотреть все именно сегодня, сейчас. Поэтому он решительно повернул налево, и, подойдя к крайней от входной двери, в недоумении остановился. Связку ключей он прихватить не забыл. Однако у этой двери никаких отверстий для ключа не было!

Он толкнул дверное полотно плечом. Последнее не шелохнулось. Оно и понятно – раз так тщательно заперто, то кто же будет оставлять его открытым. А в том, что тут есть какой-то запор, сомнений у парня почему-то не вызывало.

– Значит, магия, – решил он. И мне ее ни в жизнь не открыть. Придется ломать... не сейчас, конечно. Или специалиста вызывать.

Руки его, пока боярич размышлял, словно жили своей жизнью. Правая ладонь легла на то место, где у обычных дверей располагается замок, и выпустила наружу заряд искорок. Точнее, выпускала до тех пор, пока дверь не начала открываться под мягким нажатием.

– Это что, – подумал чуть потрясенный боярич, – так каждый Одаренный сможет войти сюда? Или нет? Или тут только родовая магия рулит? Скорее, последнее. Не зря говорится – кровь родная не водица. Или не так?

Как бы то ни было, но дверь открылась, приглашая войти в «пещеру Али-бабы». И сокровищ тут хватало. На взгляд юного боярича, конечно – с его обновленными понятиями о жизни. По сути, тут был склад трофеев, которые боярин (или бояре) Шубин привозил с военных походов. Разглядывать все это было совсем просто – магические светильники включились здесь сами; как только парень вошел.

– Все, что не пригодилось для народного хозяйства, – ухмыльнулся боярский сын, – вот это точно из германских земель. За них, кстати, на костер не отправят?

В руках он сейчас держал один из парных пистолей, которые лежали на отдельной полке в кобурах... явно скрытого ношения. Повернул оружие, не касаясь спускового крючка так, чтобы оценить калибр.

– Вот так да, – потрясенно протянул он, – калибра-то тут и нет!

И действительно – в коротком, диаметром не больше восьми миллиметров и длиной сантиметров в десять стволе никакого отверстия не было. Вообще. Литая сталь, или другой металл; удобная даже к его руке рукоять без всяких признаков размещения обоймы, или отдельных патронов, и тот самый курок. И все!

– Магическое, – понял Николай, – для Одаренных. Интересно, для меня подойдет? Получится пукнуть электрическим разрядом на... сколько метров? Это как раз любую молнию заменит.

Остро захотелось проверить здесь и сейчас. Но пересилил себя; сунул оружие в кобуру, и положил его обратно на полку. Успокоил себя тем, что если найдет завтра свободное время, обязательно опробует его.

– Естественно, с соблюдением всех правил безопасности, – добавил внутри чей-то ворчливый голос.

И боярич, кстати, от него отмахиваться не стал.

Больше всего в этой «пещере» было холодного оружия. Практически целая стена была увешена им. Да еще на полке, что протянулась по всей ее стене, было разложено чуть ли не сплошь. Что-то потянуло парня к дальней части полки, да и стены тоже. Внешне холодняк здесь ничем не отличался от остального. Иные сабли, да кинжалы в другой часть оружейной стены и побогаче выглядели.

– Особенно те, – понял Николай, – которые отец привез из восточных походов. И не только отец, конечно.

Боярский род Шубиных всегда отличался воинственностью, и удачливостью в походах. Только вот плодovitостью был небогат. словно какое-то проклятье над родом висело. Отец у деда с бабкой был единственным сыном; как и сам Николай у своих родителей.

Так вот – оружие, скромно разложенное в углу, скорее

всего было собрано в одном месте потому, что имело какое-то отношение к магии. И тут уж Николай не удержался, прихватил с собой перевязь на полдюжины метательных ножей. А еще – предварительно попробовал осторожно напитать один из них своей Силой. Получилось просто замечательно. Нож, удобно разместившийся в ладони, которая готова была метнуть его прямо в цель (такая вот способность вдруг оказалась у парня), послушно вбирал в себя искры, ничем внешне не проявляя это.

– Немало, однако, – признал боярич, – «поиграв» с ножиком, как прежде делал это со светильником. Интересно – какой будет эффект от такого ножа, попавшего, скажем, в человека? Нет, я это не от кровожадности, исключительно ради интересов науки магической. Ну, и для самообороны, конечно.

Больше ничего с этой полки парень брать не стал. Пересилил себя. Торец этой комнаты был представлен громадным сейфом. Ну, или шкафом сразу с четырьмя железными дверцами. Вот к ним ключи были.

– М-да-а-а..., – протянул боярич, открыв настежь сразу все, – скудновато будет.

Сейф, что называется был построен на вырост. Полок было много, но заполнена была лишь малая часть их. А если конкретно, то четыре – по одной на каждый шкаф. Одна, как понял боярич, была казной рода. В виде монет разного достоинства и происхождения; банкнот, и каких-то векселей.

О том, что у рода никаких долгов нет, Шубин знал. Теперь же понял, что в финансовом плане его маленькая семья, днями сократившаяся ровно наполовину, вполне благополучна. А еще он понял, что Илья Николаевич по какой-то причине всеми силами старался показать, что род их совсем небогат, и взять с него практически нечего.

– Кроме вот этого замка, да «трактора», – прибавил он вполголоса, – а значит, этому должна быть какая-то причина. Могущественные враги? Эх, батя-батя! Ну что стоило быть со мной пооткровенней. Или не заслужил я откровенности такой? Может, Анфиса что подскажет?

Он даже дернулся было, чтобы закрыть шкафы и рвануть быстрым шагом в дверь напротив, к баронессе. Но удержал себя – тут еще много чего было интересного. Второй шкаф «порадовал» какими-то старинными манускриптами. Тут надо было разбираться долго и вдумчиво. На что у парня ни времени, ни острой необходимости, ни особого желания сейчас не было. Парень только отыскал среди них те самые «разрешительные документы». Да их и искать не нужно было – отдельно они лежали. Три листа толстой бумаги, или пергамента, скрепленные воедино, и чуть ли не снизу доверху покрытые печатями, да подписями. Поглядел, полюбовался, да обратно положил.

Третий шкаф, как оказалось, вмещал в себя сразу две полки с какими-то склянками, бутылочками и коробками. Тут Николай и вовсе сразу закрыл дверцы – от греха подальше.

Понимал, что ценность его содержимого могла даже превышать то, что хранилось в остальных трех. В теории. Но без специалиста тут было не разобраться. А такого, доверенного, надо было еще поискать.

Ну, и четвертый сейф был отдан драгоценностям. И, кстати, они тоже были расположены на двух полках. Просто на одной из них камней, в обрамлении благородных, или каких других металлов, было...

– Раз, два, три... Всего восемь штук, – пересчитал боярич, бросивший лишь короткий взгляд на другую полку, буквально сверкавшую драгоценными камнями, и золотом-серебром.

Не так много там было чего, конечно. Просто, для Коли, выросший под суровым наставничеством дядьки Михаила, и имевшего в месяц по пять золотых – «на всякие безобразия», как говорил тот же казак – эта небольшая кучка могла быть сравнимой с Алмазным фондом России. Но даже на нее он уже не глядел. Взгляд парня буквально прикипел к перстню, который ничем, кроме своих размеров не отличался. Размерами камня, прежде всего. И это был явно не алмаз – каким-то мутноватым оказался. И на вид самым простецким среди остальных.

Но именно его парень и надел на указательный палец правой руки.

– Таким и вместо кастета вдарить можно, – полюбовался он, подняв его к глазам, и чуть не ойкнул.

Камень, как оказалось, был внутри оправы заострен

на многогранный конус, и сейчас оцарапал кожу. Неглубоко, но капля крови появилась. Николаю сразу же вспомнились бесчисленные книжки про артефакты, про привязку кровью. Впрочем, множить сущности он не стал. Решил, что перстень может вполне пригодиться в качестве приемника и хранителя Силы.

– Если, конечно, он по своему капэдэ будет не хуже аккумулятора. Какой там самый эффективный на сегодняшний день? Ну, на тот, который там был? Литиевый? Обычный-то, автомобильный пришлось бы в рюкзаке таскать. А тут...

Он опять не удержался, и подал часть Силы; теперь уже в перстень. Через кончик того самого конуса. В этот момент артефакт показался ему чем-то, или кем-то вроде жадного голодного хищника; или песка в пустыне, на которые плеснули воды. Настолько бурным было извержение искр наружу, в Камень. Так, что Николай даже заволновался. Но почему-то не прекратил этого буйства локальной стихии. До тех пор, пока в Камне, последовательно поменявшего цвет от розоватого до темно-бурого, не засверкали тревожно золотые искорки. Вот тут Шубин с усилием, но прервал поток. И тут же заглянул внутрь себя. Не поразился, конечно – подсудно ожидал чего-то подобного. Искорки, успокаиваясь, начинали кружить в привычном хороводе вокруг ядра, а вот последнее... Ядрышко усохло как бы не в два раза.

Парень, вынырнув из созерцания самого себя внутри, с уважением поглядел на кольцо; потом оттянул энергию на-

зад – до тех пор, пока тревожные искры в Камне не потухли. Но на этом не остановился. Еще раз «взглянул» на ядро, да еще «прислушался» к общему состоянию. Внутри живота что-то тянуло; что-то, требующее немедленно бежать на кухню. Не взирая на то, что там, скорее всего, его никто не ждет. Потому он еще раз направил поток искр обратно в организм, к материнскому ядру. До тех пор, пока тянуть не перестало. И с тем решил осмотр пока завершись..

Дверь преподнесла очередной сюрприз. Оказывается, она запиралась сама, и пришлось поделиться толикой Силы и с ней. А потом, уже в кабинете, проверить, толкнуть ее от себя – закрылась ли? Закрылась. В библиотеку парень сразу не пошел. Только глянул на часы, показавшие, что в сокровищнице рода он провел чуть меньше получаса, и направился к следующей двери. Там была спальня отца. Ну, как спальня? Полноценная квартира. С прихожей; отдельными туалетом и ванной, которую скорее можно было назвать бассейном; гардеробной; еще одним кабинетом – рабочим; небольшой – метров на тридцать квадратных – залой. Ну, и собственно спальней с широченной кроватью. Тут самым интересным для парня был групповой портрет на стене. Картина маслом, что называется – в самом прямом смысле этого слова. Илья Николаевич Шубин с супругой, Натальей Васильевной, и наследником на ее руках. Коле на картине было годика два. И как, и кем писался этот семейный портрет, он, конечно, не помнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.